

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт философии

А.А. Сыродеева

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКЛЕКТИКА

Москва
Наука – Восточная литература
2021

УДК 13
ББК 87.6
С 95

Рецензенты:

кандидат философских наук *О.В. Аронсон*

кандидат психологических наук *И.Е. Сироткина*

В оформлении переплета использована скульптурная работа
Лазаря Гадаева «Лестница». Фото — *Елены Боевой*

Сырودهеева А.А.

Социальная эклектика / А.А. Сырودهеева; Ин-т философии РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2021 — 142 с. — ISBN 978-5-02-039876-4

Предлагаемая вниманию читателя книга — приглашение к осмыслению, с опорой на тексты современных философов, социологов, писателей и поэтов, таких взаимосвязанных сюжетов, как культурный плюрализм, повседневная реальность и социальная критика. Сквозной темой издания стала проблема социальной интеграции, ее возможность и перспективы, при встрече представителей обыденных взглядов и социогуманитарного знания. Современные информационные технологии, обеспечивая демократичную доступность общественных микрофонов, позволяют разным социальным субъектам активно заявлять собственную позицию и отстаивать ее. Как следствие, со всей отчетливостью проступает эклектичность социальной ткани. В интенсивно развивающейся информационной среде участники общественной полемики вновь и вновь сталкиваются с проблемами восприятия точки зрения Другого. В книге детально рассматривается повседневность как пространство взаимопонимания. Особое место отводится теме ответственности за содержание и форму презентации собственного мнения, в том числе при социальной критике.

Книга адресована обществоведам и широкому кругу читателей.

© Сырودهеева А.А., 2021

© Редакционно-издательское
оформление. Наука — Восточная
литература, 2021

ISBN 978-5-02-039876-4

Содержание

Несколько вводных замечаний	4
-----------------------------------	---

I

Так ли опасны информационные технологии для письменной культуры?	11
Культурный плюрализм: шанс или угроза? (Сохраняющий актуальность вопрос)	29
Культура и идеология: разные взгляды на эклектику (перечитывая М. Гаспарова)	39

II

«В защиту» повседневности	50
Ускользающая реальность	63
Малое и большое: открывая другую сторону	81

III

Нюансы, или В поисках сложных решений	91
Уроки социальной критики	111
Тональность полемики	119
Вместо заключения	138
Summary	140

Несколько вводных замечаний

Наш современник имеет возможность с помощью доступных технических средств представить свои размышления, взгляды, обращаясь к разной по охвату аудитории. Нынешний уровень публичности мысли заставляет по-новому звучать проблему границы между мнением обыденным и в той или иной мере профессионально выстроенным социогуманитарным знанием. Речь идет не об исчезновении дифференциации как таковой, а о ставшей более явной ее относительности. Среди прочего это способствует определенной социальной интеграции, ибо помогает самым разным общественным субъектам слышать друг друга. Хотя мы оказываемся под давлением значительного информационного воздействия, сложности, вызванные подобного рода переизбыточностью, компенсирует большая или меньшая степень доверительности, которая была и остается значима для человека. Так, эклектичную социальную реальность пропитывает клей межсубъектного обращения с надеждой на понимание, взаимодействие, поддержку.

Данная книга¹ выступает, с одной стороны, фрагментом отмеченной тенденции, а с другой — попыткой ее осмысления. Собрав заметки под одну обложку, автор делится опытом работы в «домашней мастерской»: чтением текстов, представляющихся значимыми, обнаруживая в них принципы-ключи, которые помогают ориентироваться в многоликой социальной реальности. При этом на рассмотрение читателя выносятся комплекс проблем, связанных с полемикой в плюралистичном мире. И в первую очередь тема препятствий, с которыми сталкивается социальная коммуникация в мире, «прошитом» информационными технологиями.

В самом деле, хотя мы являемся свидетелями многочисленных обращений социальных субъектов друг к другу, нередко результатом циркулирующих высказываний становится не сближение, а отталкивание. И в частных ситуациях, и в широком общественном контексте наш современник подчас оказывается участником буксующей полемики, способствующей росту враждебности,

¹ В нее включены переработанные автором статьи, ранее публиковавшиеся в ряде научных изданий и на электронных ресурсах: Сыродеева А.А. Культурный плюрализм: шанс или угроза? (Возвращение к проблеме) // Ориентиры... Вып. 9. М.: ИФ РАН, 2014. С. 108–115; Сыродеева А.А. Малое и большое: открывая другую сторону // Этическая мысль. Вып. 14. М.: ИФ РАН, 2014. С. 35–42; Сыродеева А.А. В «защиту» повседневности // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 200–207; Культура и идеология: разные взгляды на эклектику (по мотивам работ М.Л. Гаспарова) // Рубцов А.В., Любимова Т.Б., Сыродеева А.А. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: ИФ РАН, 2016. С. 213–223; Сыродеева А.А. Ускользающая повседневность // VOX. Философский журнал. 2018. Вып. 25. С. 146–158; Сыродеева А.А. Нюансы, или В поисках сложных решений // VOX. Философский журнал. 2019. Вып. 27. С. 264–282; Сыродеева А.А. Уроки социальной критики Бориса Грушина и Зигмунта Баумана // Институт философии РАН. Исторический раздел. [Электронный ресурс] URL: <https://iphras.ru/page29578603.htm>; Сыродеева А.А. Так ли опасны информационные технологии для письменной культуры // VOX. Философский журнал. 2020. Вып. 30. С. 98–110; Сыродеева А.А. Будничные одежды критики // VOX. Философский журнал. 2020. Вып. 31. С. 88–102.

а не понимания. Другими словами, притом что на «входе» в общественную коммуникацию мы наблюдаем значительные изменения — рост численности и многообразия мнений, на «выходе» из нее социальные субъекты (как индивидуальные, так и общественные) нередко застывают в позу либо оборонительной, либо наступательной.

Если следовать логике нынешней коммуникационной тенденции, то причины ее внутреннего противоречия стоит искать не только привлекая экспертные мнения, но и, кроме того, вовлекая в разговор широкий круг читателей. Вот почему в данном случае выбор был сделан в пользу научно-популярного формата книги и соответствующих ему языка изложения (понятного, но не упрощенного), сюжетов (интересующих не только исследователей, но и общественность), стиля повествования (приглашающего к размышлению вслед за сомнением и вопрошанием).

Более того, в ходе обсуждения процессов, происходящих в современном российском обществе, существенным представлялось удерживать в поле зрения характеристику «обыватель», используемую многими и часто, превратившуюся ныне в нечто, напоминающее социальное клеймо. Очевидным образом, когда один человек описывает другого, прибегая к уничижительному эпитету (а таким стало это некогда нейтральное для русского языка понятие), мы имеем дело с обострением или разрывом межличностной коммуникации. Когда же один социальный субъект (совокупный или индивидуальный) так поступает в отношении социальной группы, речь идет уже о процессах, предвещающих социальные разломы, что не может не настораживать. Эпитет «обыватель» сегодня используется не только для характеристики конкретного социального лагера, но нередко для оправдания собственной непонятости, неслышанности. Не стоит думать, что люди стали более злобными. Скорее, имеет смысл говорить о наме-

тившейся тенденции столкновения между легко и быстро оформляющимися частными мнениями, претендующими на право быть общественно признанными, и непохожими жизненными установками, имеющими иной уровень востребованности. При этом характеристика «обыватель» используется как не очень честная форма ведения дискуссии в общественном пространстве. Это способ завышения ставок собственных взглядов (возможно, и в самом деле заслуживающих общественного внимания, другое дело, каким способом последнее обретается) и понижения шансов для иных, которые во временной перспективе могут оказаться не менее, если не более продуктивными.

Есть ощущение, что традиционный набор проблем, связанных с межличностным и межгрупповым общением, актуализируется в нынешнем динамичном мире, где неустанно возникают новые и новые поводы для непонимания. Что же может быть предложено в помощь? Книга задумана привлечь внимание к многоплановости и неоднозначности современных коммуникационных процессов, для осмысления которых важным, думается, мог бы стать опыт сдвига акцентов анализа, предложение альтернативных имеющимся, не забывая при этом о прежних приоритетах. Нередко бывает трудно договориться по поводу сложных и тем более абстрактных проблем, процессов, вопросов. Но можно прийти к консенсусу относительно моментов конкретного порядка, их легче представить, упорядочить, соотнести друг с другом, охватить общим взглядом. На таком уровне обсуждения социальным субъектам легче найти точки взаимопонимания. Думается, в этом и состоит функция практической философии: проработка контекстуально обусловленных форм реализации обобщенных принципов, осмысление того, кем стоит быть, как поступить не вообще, в «чистой» ситуации, а в рамках специфических обстоятельств, наметившихся тенденций «здесь и сейчас».

Итак, явленность частных позиций и практик публичному обсуждению — заметное свойство современного мира. Соответственно, на поверхность общественной жизни со всей отчетливостью проступает присущее социуму субъектное многообразие. Следствием этой тенденции оказывается комплекс проблем взаимопонимания. В рамках такой обширной темы читателю предлагаются три направления обсуждения, определившие структуру данного издания.

В первом разделе речь идет о плюральности, исторически присущей культуре и плодотворной как для общественного развития, так и для свободной самореализации личности. Опираясь на широкое толкование М.Л. Гаспаровым культуры, предпринята попытка показать продуктивность использования понятия «эkleктичность» для осмысления социальной действительности и типов взаимодействия ее участников. По контрасту с ролью информационных технологий, во многом нейтральных в своем воздействии, скорее поддерживающих многообразие социальной среды, идеология представлена как угроза, способствующая в том числе унификации, созданию общественной пустоты. Полагая, что культура жива через собственную воспроизводимость на новом материале и с новыми участниками, обсуждается тема продуктивности установки, совмещающей позицию социальной открытости и усилие по структурированию культурного многообразия.

Необходимый плюралистичному миру социальный перевод во многом опирается на нечто общее, свойственное разным людям, обыденное в своей простоте, понятности, нужности и одновременно глубине, длящееся сквозь пространство и время, — то, чему среди прочего удастся собирать, склеивать эkleктичную социальную ткань. О такого рода возможностях будничного речь идет во втором разделе. Повседневность имеет свойство ускользать от

внимания самых разных социальных субъектов, ибо представляется им избыточной в контексте собственной жизни и жизни Других. Парадоксальным образом повседневность превращают в предмет осмысления события утраты, расставания с ней. Так, наш современник оказывается в некотором привилегированном положении, поскольку динамичность сегодняшней жизни позволяет отчетливо видеть, насколько социокультурные варианты повседневности конечны. И это знание помогает и обывателю, и исследователю менее предвзято воспринимать, осмысливать структурные, ценностные характеристики повседневности, ее многообразие и неоднозначность.

Хотя «обычаи повседневности» (Б.Л. Пастернак) усваиваются во многом интуитивно, выстраивать конкретные отношения с разными социальными субъектами приходится каждый раз собственным усилием, предполагающим определенную степень ответственности за свое мнение и его презентацию. Третий раздел книги касается проблем полемики и социальной критики, в частности тональности личного высказывания, роли модератора, значимости нюансов для понимания оппонента. Несмотря на то что нестабильные, во многом неопределенные в своих характеристиках социальные образования, лишённые «чистых», однозначных свойств, — очевидная ныне реальность, тем не менее наш современник нередко предпочитает руководствоваться критериями и оценками, соответствующими скорее жестко-статичной структурной организации общества. Обсуждается вопрос, насколько можно надеяться на отказ от подобной стратегии в пользу более гибкой и взвешенной. При этом подчеркивается, что социальная критика — один из факторов, который поддерживает изменения в сегодняшнем динамичном мире. Для результативности критики важен не только ее содержательный аспект, но и стилистика выражения, обусловленная степенью готовности видеть

в стоящих с противоположной стороны дискуссионного барьера таких же людей, как сам критик.

Думается, вынесенные на обсуждение сюжеты: социокультурное многообразие, обыденность и полемика — заслуживают внимания людей как близких, так и профессионально далеких от социальной философии. Практически ориентированный аспект в той или иной мере присущ философии еще с античных времен, она сплетена с повседневностью, будоражит мысль и привносит содержательные, душевные плоды в том числе в житейские, рутинные контексты. В свою очередь стыки между разными гуманитарными дисциплинами, пусть нередко и воспринимающиеся как маргиналии, на деле оказываются зонами активного взаимодействия разнообразных субъектов познания. Хочется надеяться, что книга поможет отчетливее видеть реальную возможность и осуществимость социальной интеграции под сенью культуры в трактовке таких авторов, как М. Гаспаров и Б. Грушин, З. Бауман и Ж. Деррида, Н. Автономова и Е. Ознобкина, Б. Вальденфельс и М. Уолцер, Б. Пастернак и Т. Кибиров, Д. Быков и Х. Мураками, К. Гадаев и М. Кукин, отдельные тексты которых предложены вниманию читателя для совместного осмысления.

Включенные в книгу заметки — продукт атмосферы, созданной людьми, рядом с которыми посчастливилось оказаться: большая родня, школьное и студенческое сообщество, коллектив Института философии РАН и еще те многие, с кем свела судьба на просторах страны и за ее пределами. Искренне признательна им всем. Без их присутствия не удалось бы ни сформулировать проблему, ни нащупать возможные ее решения, ни тем более ощутить, как последние работают в реальной жизни.

I

Так ли опасны информационные технологии для письменной культуры?

*...всего опаснее, по-моему, показать технику как
самодовлеющее умение, а не как интегрирующий
фактор культуры.*

П. Энгельмейер

1.

О технике предпочитают говорить ныне как о значимом общественном акторе, и при этом отсутствует консенсус относительно того, как и какие с ней выстраивать отношения.

С одной стороны, звучат предупреждения о гуманитарной катастрофе, которую несет техника. Главная опасность видится в том, что, заменяя собой человека, техника угрожает его существованию как представителю вида. Нынешний этап антропологического кризиса связывают с тем, что уже не человек размышляет над вопросом: «Быть или не быть?», а процесс развития самой техники дирижирует такого рода вопрошанием².

С другой стороны, техника неоднократно спасала человечество, когда люди оказывались уязвимы фактором

² Миронов В.В. Трансформация человека в глобальном мире цифровой культуры. URL: https://expert.msu.ru/transform?fbclid=IwAR23HoqrFYTQjDeRv6MzXLsltSKPsCx_hzVK2HWrqvW5uhLvc_C5BnlbB88.

|

Природы со стороны масштабной стихии или микроскопического вируса. Помогает техника и в том, без чего человеку трудно психологически: без общения, развлечения, работы, получения знаний — идеального. Порой кажется, что это универсальная палочка-выручалочка, неважно, серп ли это, мотор или цифра, — почти Золотой ключик от всех дверей или той заветной, что приведет в мир свободы от проблем.

Как не впасть в одну или другую крайность? По всей видимости, стоит напоминать себе, что техника, как все в жизни, неоднозначна. А еще — воспринимать ее в связке с Культурой. Памятуя об аргументах сторонников резко критического отношения к технике³, позволим себе привлечь внимание к проблеме нынешнего этапа воздействия техники на письменную культуру, преследуя цель защитить нашего современника от иного типа давления — от фобий.

Задача философии — не в последнюю очередь предупредить⁴, работать на опережение, в том числе на предвидение катастроф как природного, так и техногенного характера. Люди научились предпринимать необходимые меры подготовки к извержению вулкана, к землетрясению, к пожарам на самых разных объектах: от эвакуации до строительства сейсмически устойчивых зданий, от вакцинации до просвещения о поведении в чрезвычайных ситуациях. Но существуют опасности слабозаметные внешне, однако угрожающие человеку изнутри, — страхи, парализующие, травмирующие психологически. Притом что конкретное явление, предмет, социальный субъект могут угрожать человеку, они, кроме того, превращаются в демонов, когда сознание (индивидуальное, общественное) начинает особым образом работать с ни-

³ См., напр.: Шпенглер О. Человек и техника / Пер. с нем. А. Руткевича // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 454–494.

⁴ Миронов В.В. Указ. соч.

ми — настойчиво конструировать: насыщать дополнительным объемом, раскрашивать яркими красками. Да, человек имеет право на проявление слабости. Но одно дело — в той или иной мере позволять себе это в индивидуальном плане, и другое — если подобным образом ведут себя те или иные социальные группы, следствием чего может стать и бессмысленная, и затратная, и опасная деятельность в значительных масштабах.

Нам подсказывают, что, «[к]огда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом виде, темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. <...> В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет способы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни»⁵. Не удивительно, что наступление нового широким фронтом и в значительной концентрации — серьезное испытание для сознания. И все же, учитывая продолжительную историю «вынужденного» сосуществования человека с техникой, накопившийся опыт встречи как с машинным производством, так и с фотографией, кино, атомной энергетикой и еще многими другими продуктами прогресса, постараемся при очередном столкновении с «необычностью» делать выбор скорее в пользу сдержанного предостережения, чем алармистского испуга.

Технике свойственно дарить новые возможности действовать, снабжать средствами, которые облегчают, упрощают то, что люди осуществляли прежде. Как следствие, сдвигается удельный вес определенных типов активности, повышаются их плотность, интенсивность, что не может не влиять на общественный статус, значимость тех или иных практик. Но потесненные действия, виды

⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 19–21.

|

деятельности не исчезают бесследно. Новые форматы записи музыки не отменяют живых концертов, а винил сосуществует с цифрой и даже может опережать последнюю в цене. Ретро не просто коммерчески востребовано, но выступает источником творческих поисков (от устойчивой любви к черно-белой фотографии до всевозможных экспериментов, как, например, видеозарисовки Антона Лапенко с использованием VHS-съемки). Выдавливая человека из целого ряда сфер, техника одновременно поддерживает (иногда напрямую, иногда косвенно) альтернативные варианты деятельности, в том числе противостоящие ее собственным продуктам (бег как вид отдыха и здорового образа жизни востребован на фоне успехов автомобильной индустрии, а бег на тренажере оказывается своего рода промежуточным вариантом). Соответственно, в динамике гуманитарной сферы стоит усматривать все же не каскад катастроф, а разные фазы ее проявленности. Притом что можно наблюдать существенные различия в приоритетах поведения поколений (даже представителей десятилетий), было бы несправедливо отрицать факты преемственности и сохраняющейся востребованности значительных социокультурных пластов.

Технике совсем не чужда гуманитарная роль охраны истории человеческого опыта, равно как и создание обновленных вариантов прежних практик. Она устремлена как в будущее, так и в прошлое. Ныне можно наблюдать очередной вектор ее гуманитарного влияния — объединение все более широкого круга людей в информационном пространстве общения, обмена опытом и знаниями. Схематически это можно представить следующим образом. 1. Технические средства поддерживают и музыкальные, и визуальные, и устные, и кинетические, и иные формы самовыражения. При желании, руководствуясь всевозможными обучающими, просветительскими курсами, сквозь пространство и время обратившись к экс-

пертному опыту, можно взять в руки и кисть, и перо, и музыкальный инструмент, и камеру, и мяч, пробуя работать, творить с их помощью. 2. Многие действительно предпринимают подобные попытки. 3. На фоне общего роста в жизни нашего современника виртуальной компоненты все больше становится рассказчиков о своем и чужом опыте действия. Наблюдается общемировой всплеск «эффекта попутчика», когда люди более или менее сознательно пускаются в доверительный рассказ о том, что умеют, что получается делать, воплощать в жизнь, и подобному повествованию реально внемлют.

Что может быть более антропологично и гуманитарно, чем уникальный способ самореализации, каковым является повествование, в связке с обращенностью к Другому!

2.

Вопрос выживания применительно к повествованию не является чем-то неожиданным.

Вчитаемся в слова Елены Ознобкиной, чуткого редактора и требовательного к себе, очень честного автора, о том, как по-разному утверждает факт своего существования устное и письменное высказывание: «...всякая речь, обреченная на время, захвачена манией выжить. Как может выжить речь? Очевидно, только все время повторяясь. Возвращая себя к месту своего возникновения. Линия этой речи состоит из рывков и возвратных движений. Фигура возврата обязательна, и она доминирует. Письму меньше оснований возвращаться. Оно укреплено в своей положенности на устойчивое основание бумаги, в своей явленности через последовательность букв, слов, предложений, пассажей...»⁶.

⁶ Ознобкина Е.В. Заметки о философии Мераба Мамардашвили // Е.В. Ознобкина. Избранные работы / Составитель и редактор А.Г. Жаворонков. М.: Культурная революция, 2019. С. 140.

|

Приведенный фрагмент относится к анализу Еленой Оздобкиной (1959–2010) творчества Мераба Мамардашвили (1930–1990). Персонифицированная адресность и контекстуальность этого фрагмента преподносит не только пример выразительно-лаконичного высказывания, но и является документом-напоминанием нам сегодняшним, сколь многое случилось за последнее время благодаря технологическим нововведениям. И письменному, и устному повествованию удалось обрести существенные формы поддержки. При этом трудно согласиться с опасениями, будто новые поколения утратили навыки письменной культуры. Справедливее было бы признать, что человечество вновь стало несколько иным, по-другому работая с Культурой, но, конечно же, не отвергая ее, не перечеркивая.

Возможно, всякий раз, когда нас посещают страхи по поводу наступления техники, стоит обращаться к ее истории, подсказывающей, что изначально, по сути своей техника антропоориентирована. Начиная сомневаться в этом, мы упираемся в малосимпатичные вопросы относительно Человека. Лучше проследуем за популяризатором технической мысли Петром Энгельмейером («первым философом техники в России и одним из первых в мире», по мнению В. Горохова⁷): «Избороздив, таким образом, в разных направлениях поле человеческих изобретений, мы можем его окинуть одним общим взглядом. Перед нами целый мир. Это искусственный микрокосм, которым человек себя окружает. Это та искусственная природа, внутри которой культурное человечество проводит жизнь, которая и в него самого проникает насквозь и проникла до такой степени, что даже и весь культурный человек

⁷ Подробно об этом см., напр.: Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия. М.: Логос, 2009.

является своим собственным созданием... Разве не искусственны язык, счисление, письменность? А разве мысль отделима от слова, цифры, символа? Люди придумали нормы и формы общественной жизни, создали себе богов по образу своему и подобию, изобрели методы и самые цели для воспитания себе подобных. Добро, справедливость, законность, прогресс, патриотизм, нация, семья... Это все суть такие же создания человеческие, каковы: Гамлет, Плюшкин, электрон, космическое притяжение, как велосипед и перочинный нож»⁸.

Возвращаясь к более частному сюжету, хотелось бы подчеркнуть, что долгое время устное высказывание оставалось для человечества более доступной, демократичной формой коммуникации. Сегодня техника практически уравнила в правах голос и письмо, связала их тесным узлом, добавила к этому союзу иные формы общения. «Кентаврические» образования, связки устного и письменного обращения, в которых удастся уравновесить сильные и слабые стороны каждого из вариантов коммуникации⁹, давно практикуются. Среди новых вариантов встречи письма и почти непосредственно звучащего голоса — чат, допускающий одновременные высказывания двух и более участников, напоминающий устное общение, но осуществляющийся в письменной форме.

⁸ *Энгельмейер П.К.* Эврология, или Всеобщая теория творчества (цит. по: *Горохов В.Г.* Техника и культура. С. 191).

⁹ Например, скорость восприятия — существенное преимущество, поддерживающее письменную культуру в динамичный век. При этом сбой в логике рассуждения очевиднее на письме, что учитывается и активно используется заинтересованными социальными субъектами. В свою очередь нагрузка на зрение, возрастные ограничения доступности письменной формы коммуникации и, как следствие, проблематичность соединения ее с другими формами деятельности работают на устный тип повествования.

3.

Остановимся чуть подробнее на том, что технике удастся реализовать в письменном пространстве с точки зрения общесоциальных процессов, каким образом она не только и не столько угрожает, сколько поддерживает практику письма, пусть иногда и косвенно.

Если говорить о внешней стороне, лица сосредоточенно пишущих или читающих тексты в смартфоне и прочих гаджетах являют окружающим обычно скрытую от посторонних глаз красоту, душевный настрой человека. И хотя все меньше слышны голоса на улице, общение не исчезает бесследно, оно мигрирует в пространство технически обустроенного письменного текста, насыщается там описаниями, комментариями, обсуждениями. Туда перебирается почти вся гамма индивидуального стиля поведения: от естественного обаяния до наигранного шарма, от вдумчивого, доверительного рассуждения до провокативных экспериментов. Там дает о себе знать новая широта, плотность, содержательность общения. Происходят и принципиальные социальные сдвиги. Техника существенно демократизирует общественную действительность, характер отношений. Будучи доступны в любое время для многократного перечитывания и осмысления, в пространстве письменного текста «звучат» голоса разных социальных субъектов.

Хотя не стоит забывать, что технические устройства варьируют по цене и качеству, тем не менее ключевые возможности, привносимые техникой в пространство письма, по карману все большему числу людей планеты. Не сбрасывая со счета и фактор власти, контроля, нельзя не признать, что вход в пространство публичного письменного полилога ныне отличается существенной социальной доступностью. Это пространство относительной свободы самовыражения, с одной стороны, и поиска отве-

та на разнообразные вопросы-проблемы — с другой. Рост числа гражданских инициатив самого разного масштаба (от дворовых до общепланетарных), разворачивающихся на технически обустроенных общественных площадках, — тому подтверждение. При этом очень важно, что демократизм современных публичных письменных пространств в количественном плане (о чем свидетельствует как численность их участников, так и доступность разным социальным стратам) поддерживается и содержательной составляющей — возросла роль смысловых нюансов частного мнения (учитывается не просто поднятая рука в пользу или против конкретного положения, но возросла возможность обосновать позицию, приведя соответствующие аргументы, которые легко и быстро документируются).

Естественно, как всякая тенденция, данная также не лишена малоприятных характеристик. Наблюдаются очевидная перенасыщенность информационного поля (нередко приводящая к психологическим перегрузкам), широкое распространение текстов низкого качества, сомнительного содержания, вплоть до угрожающих жизни (особенно при воздействии на уязвимые социальные группы), конкуренция текстов, борьба за влияние (вплоть до разворачивания информационных войн). В пространстве, увеличивающем степени свободы, дает о себе знать в том числе нелицеприятное: потребность в наживе, болезненная воинственность, жестокость — как следствие, вновь настойчиво звучит тема контроля, подотчетности структурам власти. Наивно полагать, что мир технически созданных письменных текстов представляет собой нечто отличное от привычной действительности, скорее он является ее продолжением.

4.

А что наблюдается в субъективном плане, почему, заглянув в технически организованное письменное про-

странство, наш современник стремится задержаться там на длительный период?

Письменный текст всегда был пространством самости, но ныне он становится еще и оазисом идентичности. В мире, где многое за человека делает, производит-штампует техника, лично созданное превращается в значительную ценность. Текст принадлежит к числу уникальных продуктов, неотторгаемых произведений, способов самовыражения.

Формуле «Жизнь как литература»¹⁰, похоже, следуют не только люди, подобные Пушкину, Ницше, Прусту, которые не могут не писать, но и те, кто зарабатывает письмом. В нынешнем социокультурном контексте, когда многие практики отобраны техникой у человека, написанный текст (пусть и с помощью тех же технических средств) — одновременно признанный общественный продукт и потребность, получающая широкое распространение. Это визитная карточка личности. О такой тенденции свидетельствует в том числе статус эссе, которое заявляет о себе не исключительно в качестве особого жанра, принципиального, например, для философии¹¹, но также требуется в рамках экзаменов по самым разным гуманитарным дисциплинам, начиная с общеобразовательной школы.

Еще раз подчеркнем: коль скоро техника оказывает поддержку письменному и устному высказываниям, их «кентаврическим» образованиям, за личностью сохраняется право выбирать способ самовыражения. Творчество Мераба Мамардашвили и Жака Деррида — примеры того, насколько подобного рода предпочтение экзистенци-

¹⁰ Вынесена в заглавие книги А. Нехамаса: *Nehamas A. Nietzsche: Life as Literature*. Massachusetts, London: Harvard University Press, 1985.

¹¹ См. об этом, в частности, книгу: *Своеволие философии: собрание философских эссе* / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

ально, связано с индивидуальной склонностью, с личным опытом поиска пути свободы внутри конкретной социокультурной ситуации. Для М. Мамардашвили подобное движение помогал осуществить в большей мере устный текст (выполнявший роль особого профессионального средства), а для Ж. Деррида — письменный (в качестве специфического предмета анализа).

Осмыслять частные усилия окружающим удается в большей мере ретроспективно. Сам по себе такой проект воспринимается как очень притягательный, но самоотверженное его воплощение — достаточно редкая для исследовательского сообщества практика. Одним из хранителей наследия М. Мамардашвили по праву считается Е. Ознобкина, в редакции которой вышли в свет его лекции о М. Прусте¹². Для Ж. Деррида коллегой-посредником-другом среди российских философов и переводчиков его трудов стала Наталия Автономова. Творчество плодотворных, непростых для осмысления философов эмпатийно бережно приняли в свои руки яркие авторы, которых отличают четкость (строгость) мысли, удивительная работоспособность и солидарность в содержательном поиске со своим философским собеседником.

Вот как склонность М. Мамардашвили, глубоко, лично укорененную, описывает Е. Ознобкина: «До сих пор, хотя я читаю уже не стенограммы лекций Мамардашвили, а опубликованные тексты, для меня совершенно органична внутренняя огласовка текста. Мне даже кажется, что и для нового читателя, который никогда не слышал голоса Мераба Константиновича Мамардашвили, эффект внутренней огласовки будет присутствовать. Именно голос был условием той внутренней связности, которою обладала речь Мамардашвили в аудитории.

¹² *Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.

|

Сейчас, когда эта речь предстает для нас в форме текста, нельзя не заметить, что это текст своеобразный, который даже самый искушенный и целенаправленно жесткий редактор уже не сможет уравнивать с опытом письма. Мне представляется резонной позиция Михаила Рыклина, настаивающего на внимании к тому, что мысль Мераба Мамардашвили состоялась в речевом пространстве и что эта речевая форма — существенное содержательное обстоятельство, а не какая-то случайная и нейтральная форма мысли. Позиция Мамардашвили располагается в речи — это, безусловно, очень особая позиция¹³.

И почти современник М. Мамардашвили, в ходе работы использовавший тот же язык — французский (пусть и в иных масштабах), тоже активно прибегавший к литературе в своих философских поисках, Ж. Деррида выбирает иной способ самовыражения. В книге «Философский язык Жака Деррида»¹⁴ Н. Автономова, оставляя дискуссионное поле интерпретаций работ французского философа открытым, показывает, в какой мере значимо было для Деррида «гиперболическое понимание самой необходимости писать»¹⁵ и что его «[п]роект деконструкции есть концептуальная форма экзистенциального переживания, иными средствами для Деррида не разрешимого»¹⁶.

Кропотливо и трепетно разбирается Н. Автономова в деталях предложенного Ж. Деррида понимания феномена письма и его значимости для французского философа. Приведем три фрагмента. «Ситуации использования этого понятия очень разнообразны. Это позволяет проследить „возгонку“ смысла от его более или менее ма-

¹³ Ознобкина Е.В. Заметки о философии Мераба Мамардашвили. С. 139–140.

¹⁴ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

¹⁵ Там же. С. 337.

¹⁶ Там же. С. 437–438.

териальной ипостаси (ср. письмо как письменность, как способ начертания букв, слогов или рисунков) до письма как абстрактного понятия, означающего любую артикуляцию, и наконец — к архе-письму как условию возможности какой бы то ни было артикуляции. <...> В нынешнюю эпоху инфляции языка и понятия языка письмом может стать все что угодно: не только запись голоса, но и запись движения — хореография или, допустим, кинематография. О письме может говорить кто угодно: скульптор, биолог, специалист по информационным процессам¹⁷. «...от „Грамматологии“ к нашему времени и далее протягивается линия размышлений о всеобщих средствах связи, об универсальном письме во всех его возможных формах (в 1960-е годы это называлось обобщающим словом „кибернетика“). По сути, через различные модальности „письма“ Деррида запечатлевает некоторые тенденции развития человеческой коммуникации (того, что мы теперь называем „медиа“), процессы наращивания и диверсификации ее технологических средств»¹⁸. «В основе размышлений о письме, архе-письме, речи и др. лежат одновременно две очевидности: усиливающаяся хрупкость коммуникаций на уровне межиндивидуальном и общечеловеческом и постоянно возрастающая плотность контактов, которая обеспечивает интенсивные смещения, скрещивания, контаминации»¹⁹.

Снятие противостояния между устной и письменной речью, как и внутри многих других оппозиций, было существенной частью задуманного французским философом проекта деконструкции. Видеть, создавать разное, а потом это собирать — стратегия космополита Ж. Деррида²⁰. Можно сказать, им предпринята попытка показать исто-

¹⁷ Там же. С. 159.

¹⁸ Там же. С. 163.

¹⁹ Там же. С. 373.

²⁰ Подробнее об этом см. далее. С. 34–38, 82–88.

рически многоуровневую, многоаспектную реализацию потребности человека в общественном самовыражении, ее эволюционирование. Быть гражданином мира получается, если придерживаться этого принципа и в пространстве, и во времени. Разве не согласно этому принципу строится Культура, состоящая из одновременных и разноликих пластов? Разве новое когда-либо является в ней совершенно новым и заменяет собой полностью существовавшее прежде? Ж. Деррида в своем объемном и многовекторном понимании письма подсказывает, что не стоит пугать себя катастрофическим наступлением нового, в том числе привносимого техникой.

Еще раз подчеркнем: личный выбор относится к сфере свободы. Но последняя не существует в вакууме. Она невозможна вне среды, где личность добывает для себя материал, с которым работает внешне и внутренне. Сохранение среды, где присутствует и реализует себя свободное разное, принципиально. Ибо нет ничего страшнее, чем пустота.

Б.

Тема социокультурной среды, важности ее многоплановой, разнонаправленной наполненности выразительно представлена в романе Дмитрия Быкова «Остромов, или Ученик чародея»²¹. Сочетая исторический и литературно-художественный материал, автор подталкивает читателя задуматься над проблемой связи свободы реализации личных жизненных установок и среды как пространства их становления, воплощения, взаимодействия.

Выбрав в качестве фактического материала дело ленинградских масонов 1925–1926 гг., Д. Быков проводит

²¹ Быков Д.Л. Остромов, или Ученик чародея: Пособие по левитации. М.: ПРОЗАИК, 2010.

своего рода case study, в котором социокультурная среда как объект анализа рассматривается в пограничном состоянии между постреволюционной взорванностью и последующей тотальной зачисткой — в исторически промежуточный период НЭПа, когда разное еще допускается, впускается, хоть и в значительно усеченном, неструктурированном виде. Поставив в центр романа героя и антигероя (каждый из них имел своего исторического прототипа: соответственно, Д. Галицкий — Д. Жуковского, а Б. Остромов — Б. Астромова-Кириченко-Ватсона), а также нарисовав космос второстепенных персонажей, Д. Быков показывает читателю, каким образом индивидуальный выбор совершается в реальности социально разнотипной и морально неоднозначной. Для писателя полифоничная неоднородность присутствует как внутри социальных слоев, общественных групп (интеллигенции, масонских кругов, представителей ОГПУ), так и внутри самой личности. Но как бы ни относиться к подобной социальной сложности, какими бы критериями ни пользоваться при вынесении оценок, нет ничего страшнее, чем зачистка, стерилизация общественной действительности, что ведет к фактическому ее уничтожению, включая тех, кто в ней пребывает. «Для читателя начала века все это было, верно, глупость и мракобесие, — но двадцать лет спустя это мракобесие было живительно и утешительно, как любая человеческая глупость среди плотной массы нечеловеческого, как пошлая любовная записка с гимназическими ошибками, вложенная в том статистических данных о забое скота в Самарской губернии»²², — отмечает автор.

С антигероем романа — Остромовым — все остальные персонажи находятся в разных отношениях, от большего или меньшего преклонения до противостояния, то мыс-

²² Там же. С. 679–680.

ленно, душевно, физически сближаясь с ним, то отдаляясь. В очном или заочном социальном диалоге одни падают все ниже, другие поднимаются в облака своего воображения, третьи под его влиянием обретают возможность удерживать внутреннее равновесие. Личная амбивалентность воспроизводит себя в социокультурном многообразии, равно как и наоборот — является его отражением. Устранение же неоднозначности во имя неких принципов, часто непонятных самим реализующим подобного рода проекты, создает пугающую пустоту, которую способны преодолеть, по всей видимости, лишь самородки, чудаки и дети.

Социальная разноликость, внутри которой и с которой возможен диалог, для Д. Быкова коррелирует с общественной витальностью. Берусь предположить, что именно поэтому автор романа не может остановиться и рисует все новых и новых второстепенных персонажей, пусть ему и записывают это нередко в минус. Да, он любит не многих героев в своем романе, но не устает вслушиваться в мысли, выражающие разные жизненные установки. Ему есть дело до очень многого²³. То, что с литературной точки зрения иногда расценивается как недочет, обществоведом может представляться ценным. Структурность желательна для художественного произведения, но для социокультурной реальности оказывается важнее (общественно продуктивнее и психологически здоровее) социальная разноликость.

Еще раз подчеркнем: среда способствует встрече разных субъектов и питает индивидуальное внутреннее

²³ Заход с разных социальных позиций для осмысления общественно-го настроения, конкретного социального феномена, исторической персоналии путем расстановки множественных «зеркал» — принцип, используемый Д. Быковым и в поэтико-биографическом исследовании, посвященном Б. Пастернаку (Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007), и в романе «Июнь» (Быков Д.Л. Июнь: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019).

движение. Техника стала одним из факторов, которому удается поддерживать социогуманитарную среду, создавать ее содержательную глубину. Так, социальные сети, чаты конструируют (нередко стремительно) поле взаимодействия; прежде на это уходило много времени и сил. Технически воплощенный и распространяемый текст становится активно действующим социальным клеем, дополнительно скрепляющим большие или меньшие пространства общественного взаимодействия. Поэтому имеет смысл утверждать, что технические средства не убили социогуманитарную среду, а стали новыми формами поддержки и развития этой реальности, интенсивно подпитывая ее и сохраняя возможность свободного выбора внутри нее.

Само по себе наличие среды не означает пребывание человека в безопасном, социально беспроблемном пространстве. Музеи, библиотеки, театры могут существовать, но при этом стоять пустыми — без посетителей. Друзья могут публиковать множество снимков и рассказов о себе и друг о друге, но при этом страдать от одиночества. В среде требуется ориентироваться, не потеряться, не утонуть, а еще раньше — не быть к ней равнодушным. Важно, чтобы человек ощущал себя не столько ее объектом (полностью застраховаться от этого, по всей видимости, маловероятно), сколько одним из субъектов. Технически организованную среду отличает постоянная динамика, и этот факт не может в той или иной мере не воздействовать на нашего современника. Более того, возрастание объемов и скоростей изменений технической реальности — своего рода постоянный поршень, давящий на личностную внутреннюю собранность. Наш современник пребывает в неоднозначной ситуации: созданная техникой среда находится рядом, на расстоянии протянутой руки, но при этом нередко атрофируется же-

вание сделать шаг навстречу объектам и людям в этом мире. Бытие, становясь все более «текучим», не воспринимается нашим сознанием как свободное от трудноразрешимых проблем — человек продолжает попадать в водовороты одиночества, отчуждения от очень многого и многих. Помня об этой неоднозначности, не стоит пугаться, хотя бы потому, что пока мы боимся одного, в наш динамичный век успевает случиться много иного. Существенно важнее не упускать из виду то, что нам дорого, но слабеет под воздействием неизбежных трансформаций, и оберегать, страховать это значимое. На протяжении многих веков техника создается человеком в помощь самому себе. И в этом отношении она не замещает Культуру, а комплементарна ей. До тех пор, пока мы сохраним за собой право на субъектность, мы будем оставаться свободными, как и прежде в истории, справляясь с разными объективными феноменами: размышлять над ними, использовать продуктивным образом, рационально видоизменять.

Культурный плюрализм:
шанс или угроза?
(Сохраняющий актуальность вопрос)

«Отбираем» — по-гречески это тот самый глагол, от которого образовано слово «эклестика».

М. Гаспаров

Даже если иногда верность облекается в формулу неверности и разрыва, все равно следует хранить эту верность различиям, т.е. продолжать дискуссию.

Ж. Деррида

В быстро меняющемся современном мире все чаще трансформируются взгляды каждого из нас. При этом в них не столько «плюсы» начинают занимать место «минусов» (или наоборот), сколько то, что прежде казалось незначительным, обретает дополнительный смысл и ценность, а то, к чему мы относились «слишком серьезно», как бы тускнеет. Калейдоскоп изменений делает нас менее эмоциональными и категоричными, в наших откликах на происходящее появляется больше полутонов. Ниже речь пойдет о частичном переосмыслении плюрализма на фоне современных социокультурных процессов.

|

Некоторое время назад, вчитываясь в аргументы социальной критики трех авторов — И. Берлина, З. Баумана, В. Малахова, хотелось склонить читателя в пользу возможностей, которые открывает плюралистичность общественной жизни²⁴. Тогда многообразие воспринималось мною как противодействие давлению со стороны социальных Систем и Иерархий, как одно из средств обретения свободы. Сегодня же, отчетливо ощущая избыточность вариативности, циркулирующей в социокультурном пространстве, возникает желание оградить себя и других, спрятаться от информационного многообразия. (Например, одолевает страх отпустить ребенка в пестрый мир, не снабдив его соответствующими «навигационными приборами».) Мы все больше путаемся в сетях Интернета, который выступает одновременно и полем разноцветья, и средством, способствующим плюрализации некогда считавшегося едино-универсальным. Выпускаемое в пространство Интернета индивидуальное оказывается в мощном «социальном лифте»: статус личных взглядов легко повышается до общественно доступных, а потом и до широко разделяемых. Социокультурное пространство неустанно насыщается, оказывая давление (теперь уже информационными перегрузками) на своих участников.

В сложившейся ситуации у кого и где искать советов, помощи?

Поддержка приходит, например, со стороны тех, кто хорошо знает историю культуры, кто осмысливает плюра-

²⁴ С целью привлечь внимание к проблеме динамичности современной жизни заголовок данного текста практически тождественен названию статьи, опубликованной в 2003 г. См.: Сыродева А. Культурный плюрализм: еще одна надежда или угроза? // Коллаж — 4. Социально-философский и философско-антропологический альманах. М.: ИФ РАН, 2003. С. 116–126. При этом стоит подчеркнуть, что и в первом тексте речь шла о неоднозначном потенциале социокультурной плюральности.

лизм не в пространстве одного-двух десятилетий, а в более обширной исторической перспективе, обращаясь к процессам медленных скоростей.

Так, по мнению М. Гаспарова, несомненными особенностями культур «завтрашнего дня» явятся эклектичность и плюралистичность²⁵. Полагая, что плюралистичность как тенденция будет усиливаться, он уточняет: «Эклектичны (многослойны) все без исключения культуры»²⁶. В другом месте замечает: «...когда мы обводим глазами современность, в глазах рябит и пестрит. Если бы мы жили при Эсхиле или Тютчеве, у нас бы в глазах тоже рябило и пестрило...»²⁷. И об этом же метафорично: «Монолитность всякой культуры — иллюзия. <...> Наверное, лучше сказать, что мозаичность — дело дистанции: вблизи она режет глаз безобразными контрастами, а издали сливается в ровный колорит, как у пуантилистов. <...> Исторический подход к разнослойности прошлых культур может дать нам тот опыт, который немного облегчит <...> наши мучения»²⁸. И как следствие: «На эклектике общей культуры зиждется плюрализм личных предпочтений»²⁹.

²⁵ Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. С. 10. Стоит отметить, что в данный сборник вошли статьи и интервью последних лет жизни ученого, адресованные широкой читательской аудитории.

²⁶ Там же. С. 234. См. также: С. 10.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 178–179.

²⁹ Там же. С. 12. См. также: «Нельзя построить пирамиду лучше египетской или Парфенон лучше афинского. Но можно предложить человеку на выбор и античную систему ценностей, и египетскую, и еврейскую, и китайскую — чем больше, тем лучше, и все с одинаковой подробностью и ясностью. И пусть человек сам выбирает то, что ближе его душевному складу. Сейчас никто не думает, как в средние века, что сын сапожника непременно должен быть сапожником, но все еще думают, что сын православного непременно должен быть православным; и от этого бывает много душевных неудобств». (Там же. С. 182–183.)

|

Если плюралистичность объективно неизбежна для культуры и необходима для индивидуальной свободы, как вести себя личности, с тем чтобы не потеряться в волнах и в шуме многообразия? Ответ М. Гаспарова — «упорядочивать мир действительности»³⁰. «Книги, которые я читал, сплошь и рядом противоречили друг другу: было ясно, что Овидий не понял бы Пушкина, а Пушкин Достоевского»³¹, — признается ученый. Предлагаемым принципом «структурирования» он советует руководствоваться следующим образом: «...понять связь мыслей и чувств каждого, выделить то, что приемлемо для меня, связать это в своем сознании (в такой-то ситуации мне будет ближе Овидий, а в такой-то — Достоевский»³². Никто не вправе лишать нас доступа к многообразию мира, но зато никто и не осуществит за нас работу по структурированию этого материала с целью его осмысления.

Итак, мы видим, что М. Гаспаров не считает нужным ставить некоторую «заслонку» плюрализму либо отворачиваться от него. Напротив, предпочитает двигаться в русле последнего и, несмотря на возрастающую скорость потока множественности, полагает возможным и важным обретение некоторой упорядоченной картины мира. По его мнению, связанность не предзадана, а является

³⁰ Там же. С. 155.

³¹ Там же. С. 165.

³² Там же. В сказанном можно усмотреть еще один аспект, считающийся «пагубным» воздействием плюрализма на нашего современника, — релятивизм. Тем более что М. Гаспарову принадлежат и следующие тезисы: «...на смену иерархическому восприятию литературы пришел исторический, и набор вечных ценностей распался». (Там же. С. 230.) «Вечных ценностей нет — есть вереница временных ценностей, из которых каждое время делает свой выбор...» (Там же. С. 127.) Не углубляясь в данном случае в тему релятивности и релятивизма, хотелось бы обратить внимание на то, что релятивистский принцип выбирается М. Гаспаровым на роль собственно интегративного, скрепляющего, упорядочивающего.

плодом вновь и вновь возобновляющихся усилий: «связность достигается не сразу»³³.

Показательна оценка М. Гаспаровым собственной работы в русле сформулированных положений. «...Попробуем представить, как образ античности в сознании среднего человека складывается из полузабытого школьного учебника, мифов Куна, голливудского кино и набора случайных знаменитых имен! Я написал научно-популярную книжку „Занимательная Греция“ нарочно для того, чтобы привести эти осколочные представления читателей в какую-то связь. И я очень хотел бы, чтобы кто-нибудь помог мне привести в связь мои собственные представления о других областях мировой культуры — например, написал бы книгу „Занимательный ислам“ или „Занимательный Китай“. Или даже о моей собственной европейской культуре написал бы так, чтобы политические и экономические теории нашли в ней осмысленное место рядом с литературой и искусством, а военное дело рядом с модой»³⁴.

Исторический взгляд на культуру позволяет М. Гаспарову принимать плюралистичность как свойство культуры и при этом воспринимать цельность как задачу, которую люди по тем или иным причинам ставят перед собой³⁵. Связанность не предшествует, а вырабатывается по итогам встреч с разным. Она является плодом работы на индивидуальном и общественном уровне.

Отчетливо ощущая плюралистичность мира, пытаясь сориентироваться в нем, мы получаем поддержку и со стороны тех, кто осмысливает данный процесс в ходе фактической «работы на него». О деятельности, насы-

³³ Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 213.

³⁴ Там же. С. 176.

³⁵ «А что такое идеал, как не цельность?» — задает М. Гаспаров риторический вопрос. (Там же. С. 217.) А в другом месте пишет: «Эстетическая ценность — это цельность...» (Там же. С. 227.)

ценной разным, каковой является философствование Ж. Деррида, рассказывает книга Н. Автономовой «Философский язык Жака Деррида»³⁶. Через собственный опыт чтения, перевода, интерпретации текстов Ж. Деррида Н. Автономова приобщает нас к практикам взаимодействия с разным, «жизни с разным». (Ощущая себя дилетантом в обширном и сложном наследии французского философа, буду руководствоваться тем, как оно представлено российской исследовательницей. При этом коснусь только одной стратегии Ж. Деррида в трактовке Н. Автономовой, стратегии, которая, как представляется, помогает продвинуться в обсуждаемой проблеме.)

Книгу «Философский язык Жака Деррида» Н. Автономова начинает со слов, услышанных от Ж. Деррида во время одной из последних с ним встреч: «Как я боюсь переводчиков! Они читают текст так внимательно, по нескольку раз, а мне уже давно хотелось бы его переделать...»³⁷.

В тяге Ж. Деррида к «передельванию» воплотились его «теоретическая любовь к различию и различиям»³⁸, интерес к «онтологии различий»³⁹. Он исходил из культурной плюральности («Моногенеалогия всегда будет мистификацией в истории культуры»⁴⁰), из социального многоязычия («больше одного языка»⁴¹). Стремился дать разнообразию проявиться, высвобождая Другого (разных Других) из плена социокультурных ограничений, настойчиво работал над тем, чтобы «тексты смогли говорить иначе, говорить другое, а мы бы смогли их услышать...»⁴².

³⁶ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ Там же. С. 26.

³⁹ Там же. С. 49.

⁴⁰ Цит. по: Автономова Н.С. Указ. соч. С. 222.

⁴¹ Цит. по: Автономова Н.С. Указ. соч. С. 94.

⁴² Автономова Н.С. Указ. соч. С. 98.

Эксперименты Ж. Деррида, насыщавшие философское поле другим, новым, разным, кому-то представляются исключительно революционным разъятием старых целостностей, кому-то — созданием дополнительной путаницы, ненужным усложнением. По мнению Н. Автономовой, «его собственная работа была для него лучшей, при том гиперболической, формой противостояния хаосу, а вовсе не его апологией»⁴³. Российская исследовательница обращает внимание читателей на присутствие в творчестве французского философа не только стратегии обнаружения и создания разного, но и иной доминанты: «...не забудем о второй приставке сакраментального слова «де-кон-струкция»: <...> она собирает и организует, заботясь о том, чтобы нечто положительное было возможно»⁴⁴. Неоднократно в книге звучит мысль, что Ж. Деррида стремился (особенно во второй период своего творчества, выйдя на социокультурную проблематику) «все собрать, перевести фигуры одну в другую, сформулировать некоторый целостный образ»⁴⁵.

По всей видимости, можно говорить о том, что рано или поздно разное формулирует перед личностью проблему интеграции. И похоже, чем больше плюрального доступно, тем актуальнее звучит вопрос о принципах сборки. Какого же рода целостности предлагает Ж. Деррида? Ответ Н. Автономовой подкупает тем, что она не стремится упростить скрывающуюся за вопросом проблему. Более того, показывает, как данная тема касается ее самой. За читателем остается право соотнести эти рассуждения с личным опытом.

Так, во введении к книге Н. Автономова делает искреннее признание: «В нем, думаю, есть определенная устой-

⁴³ Там же. С. 437.

⁴⁴ Там же. С. 25.

⁴⁵ Там же. С. 336.

чивость, чтойность, как бы сам он ни сопротивлялся такому термину как метафизическому. В нем есть то, что делает Деррида им самим, то, что позволяет Деррида быть Деррида. Правда, когда я его ищу, он уходит от меня. Он все время хочет себя переделать, и я тоже хочу себя переделать, и в этом вся сложность. Мне кажется, я что-то в нем понимаю, улавливаю его стиль. Или, по крайней мере, знаю, где его искать: на пересечении с экзистенцией»⁴⁶.

Следуя за Н. Автономовой в указанное пространство, мы имеем возможность ощутить и понять, каково, согласно Ж. Деррида, жить среди разного, *заново собираемого разного*. Вот слова французского философа: «Я воюю с самим собой, это верно, Вы даже не знаете, что это за война, насколько она ужаснее всего, что только можно себе представить. Я говорю взаимно противоречивые вещи, между которыми есть реальное напряжение: они меня создают, побуждают к жизни, но они же меня и убивают. Эта война для меня мучительна, но я знаю, что это — жизнь. Я успокоюсь только вечным покоем»⁴⁷.

Разное — осознанная объективность, сопровождавшая Ж. Деррида с детства, — он многократно возвращается к своим переживаниям ребенка из еврейской семьи, проживавшей в Алжире, французской колонии, в период борьбы этого государства за независимость. Позднее не менее плюральную и запутанную картину он увидит в Европе, повседневная жизнь которой насыщена проблемами мигрантов, социальных меньшинств, отстаивающих свои права. Наконец, многообразие настойчиво заявляет о себе как планетарная характеристика постсовременного мира. На этот объективный контекст и откликается Ж. Деррида, разрабатывая соответствующие стра-

⁴⁶ Там же. С. 12.

⁴⁷ Цит. по: Автономова Н.С. Указ. соч. С. 205–206.

тегии. Их цель — демократизм в отношении разного. Однако, работая над условиями создания для плюралистических Других правового пространства самовыражения, Ж. Деррида оказывается в поле большого напряжения, создаваемого разнонаправленностью векторов, привносимых разноликостью социального мира. Это положение на перекрестке противоречий, доходящих до уровня апорий, для Ж. Деррида собственно есть жизнь. Жизнь космополита, воспринимающего проблемы людей в разных уголках планеты как свои личные и пребывающего в поиске наилучшего решения конкретной задачи в конкретных обстоятельствах, становится формой сборки, интеграции разного, приемлемой для французского философа. Возникающее при этом «напряжение» заряжает французского философа энергией, питающей «неистребимую жизненную решимость искать ответ»⁴⁸, «упрямство мыслительного, душевного усилия»⁴⁹. «В чем смысл такой работы, насыщенной „апорийным напряжением“ — „невыносимыми апориями“⁵⁰?» — спросим вслед за Н. Автономовой и вчитаемся в ее ответ.

«Но что же все-таки дает нам деконструкция? Прежде всего она не дает никакого позитивного горизонта предсказуемости — как это умели делать платоновский эйдос или кантовская регулятивная идея. <...> речь идет <...> о напряжении, об апории, которая по определению не имеет решения, но зато умеет продавливать границы в направлении искомого»⁵¹. В работе Ж. Деррида с разным много от сизифова труда, но, как замечает Н. Автономова, «...сизифов труд <...> — удачная характеристика человеческого удела: прочерчивая все новые траектории мыслительного движения, человек, даже и возвращаясь,

⁴⁸ Автономова Н.С. Указ. соч. С. 352.

⁴⁹ Там же. С. 353.

⁵⁰ Там же. С. 274.

⁵¹ Там же. С. 272.

|

казалось бы, в ту же самую точку (которая никогда не та же самая), поддерживает в себе человеческое уже одним своим усилием»⁵².

Общественная жизнь всегда была культурно многолика. Наш век глобальных процессов усилил доступность, соприкасаемость и сопричастность отдельной личности с разнообразием социального мира. Прежде чем выстраивать самозащиту против объективно идущих процессов, стоит задаться вопросом — не вступаем ли мы тем самым на путь несвободы своей и других. Может быть, правильнее присоединиться к тем, кто остается открытым миру разнообразия и одновременно пытается структурировать опыт своих встреч, взаимодействия с ним. Выбирая путь «ответственных космополитов», мы получаем шанс остаться собой, слышать культурное многоголосие и дополнять его, когда новые проблемы и решения требуют именования их, озвучивания для других.

⁵² Автономова Н.С. К вопросу о релятивизме и универсализме применительно к концепции Жака Деррида // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 157.

Культура и идеология:
разные взгляды на эклектику
(перечитывая М. Гаспарова)

*...разве мы не стали богаче, научившись смотреть
на Толстого и Чехова не с баррикадной близости, а так,
как смотрим на рабовладельца Эхила и монархиста Тютчева?*

<...>

*Кто готов принять ответственность за все,
что было с нами до нашего рождения — и за красный террор,
и за белый, и за Салтычиху, и за Пугачева, —
тот и может надеяться чему-то у истории научиться.*

М. Гаспаров

При всей сложности и неоднозначности отношений в связке «культура — идеология» очевидным образом роль фундамента принадлежит культуре. Тем не менее, хотя культура существенно шире, богаче идеологии, именно последней нередко удается подчинить себе многие социальные практики. Подсказки относительно того, какими именно ориентирами имеет смысл руководствоваться, чтобы не попасть в подобную ловушку, дает сборник «Филология как нравственность»⁵³, в который вошли статьи, интервью, заметки М. Гаспарова о культуре и истории, общественной жизни и образовании.

Прежде чем перейти к обсуждаемым М. Гаспаровым аспектам «вторичности» идеологии, хочется обратить внимание на то, в каком историческом контексте ученый вел беседы-интервью, отвечал на вопросы анкет, заочно

⁵³ Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.

полемизировал. «...идейный вакуум, в котором сейчас кипит хаос»⁵⁴ — так характеризует М. Гаспаров сложившуюся на тот момент общественную ситуацию. Период с 1989 г. по 2005 г., к которому относятся опубликованные в сборнике тексты, отличало в том числе отсутствие общегосударственной идеологии. То было время крушения старой (советской) и поиска новой или новых идеологий, способных заполнить пустующую нишу, консолидировать общество, вкусившее обаяние идеологического многообразия. История предоставляла достаточно любопытную (если не сказать уникальную) возможность наблюдать, как происходит кристаллизация той или иной идеологической позиции и осуществляется ее распространение в социальном пространстве.

И еще одно уточнение. Идеология не принадлежала к числу исследовательских приоритетов М. Гаспарова. Соответственно, в текстах данного сборника ей отводятся периферийные зоны. Вместе с тем ученый не может от нее абстрагироваться — эта тема периодически врывается в его рассуждения. М. Гаспаров прекрасно отдает себе отчет в воздействии идеологии как общественного фактора на социальные субъекты, в том числе на себя, но ему удается «держаться дистанцию». В текстах, включенных в данный сборник, автор демонстрирует, как можно жить, учиться, преподавать, заниматься исследованиями, просто любимым делом и при этом сохранять некоторую степень независимости от идеологии, пусть и понимая, что объективно она неустранима из общественной жизни. Книга подсказывает, как не дать идеологии «колонизировать» пространства бытия личности. Подобная позиция важна, и когда в обществе господствуют догматизированные разновидности идеологии, и когда разворачивается идеологическое противостояние.

⁵⁴ Там же. С. 77.

Многое о том, каким видится М. Гаспарову соотношение идеологии и культуры, говорят определения, сформулированные ученым для каждого героя этой связки. Так, идеологию он характеризует следующим образом: «...это комплекс идей, не самостоятельно выработанных человеком, а навязанных ему традицией или окружением»⁵⁵. И в другом месте: «Идеология как система навязанных взглядов существует всегда, если не как догма, то как мода»⁵⁶. Описание культуры значительно шире: «это все, что люди делают, говорят и думают»⁵⁷, «все, что есть в обществе»⁵⁸. Более развернутая форма данного тезиса-определения: «Это пища, одежда, жилище, хозяйство, семья, воспитание, образ жизни, нормы поведения, общественные порядки, убеждения, знания, вкусы. Зачем существует культура? Чтобы человек на земле выжил как вид...»⁵⁹.

Итак, автор представляет нам два существенно разных по объему социальных феномена. Культура в определении М. Гаспарова распахнута и вбирает в себя многообразие деятельности человека в обществе. Соответственно, ученый снова и снова повторяет, что культура «эклектична и плюралистична»⁶⁰, «неоднородна»⁶¹, «мозаична»⁶², «разнослойна»⁶³.

Подмечая и отдавая должное многообразию культуры, М. Гаспаров настаивает на том, что «культура — понятие не оценочное»⁶⁴. Ученый опирается на этот тезис при обсуждении и массовой культуры⁶⁵, и вопроса о вечных цен-

⁵⁵ Там же. С. 79.

⁵⁶ Там же. С. 184.

⁵⁷ Там же. С. 125.

⁵⁸ Там же. С. 77.

⁵⁹ Там же. С. 18.

⁶⁰ Там же. С. 10, 37, 234.

⁶¹ Там же. С. 126.

⁶² Там же. С. 179.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 125.

⁶⁵ Там же. С. 18, 20–21.

ностях. Он обращает внимание на относительность оценок в применении к культуре: «Гуманизм многих веков сходился на том, что человек есть мера всех вещей, но когда он начинал прилагать эту меру к вещам, то оказывалось, что мера эта сделана совсем не по человеку вообще, а то по афинскому гражданину, то по ренессансному аристократу, то по новоевропейскому профессору»⁶⁶. В другом месте М. Гаспаров отмечает: «Я верю в прогресс, только не качественный, а количественный»⁶⁷. Релятивистский оттенок, присутствующий в подобных высказываниях ученого, обусловлен его убежденностью, что явления культуры имеет смысл соотносить не с оценками, а с контекстом истории.

Как участник разноликого мира культуры каждая личность путешествует внутри него особым образом. «Сколько читателей, столько и путей от книги к книге — от букварных лет до глубокой старости», — пишет М. Гаспаров⁶⁸. При этом подразумевается, что индивидуальные предпочтения связаны не только и не столько с удовольствием, развлечением, сколько с усилием, внутренней работой, в ходе которой производятся отбор и систематизация фрагментов культуры. Придавая большое значение процессу движения, роста личности, ученый описывает «пространство», в котором осуществляется личностная динамика, следующим образом: «Это как бы сплетение лестниц, ведущих по книжкам, как по ступенькам, выше и выше: они сбегаются к лестничным площадкам и разбегаются от них вновь, и в этом высотном лабиринте каждый нащупывает для себя ту последовательность пролетов, которая для него естественнее и легче. <...> Говоря о высотном лабиринте выработки культурных вкусов, подчеркнем еще одно: путь по нему бесконечен, нет такой ступеньки, на которой можно было бы остановиться с гордым чувством,

⁶⁶ Там же. С. 143.

⁶⁷ Там же. С. 182.

⁶⁸ Там же. С. 13.

что она последняя и выше ничего нет. <...> Подчеркиваю, на любой ступеньке: застынет ли человек в своем развитии на Агате Кристи, или на Тургеневе, или на Джойсе — это все равно⁶⁹. Объемный образ, к которому прибегает ученый, показывает, что иерархии не чужды М. Гаспарову. Но при условии, что за ними просматривается палитра вариантов, которые позволяют каждому найти, начертать свой путь в социальном пространстве и выстроить свою шкалу оценок. «То, что для начитанного человека — пошлость, для неначитанного может быть откровением. Маленькому ребенку нравятся картинки яркие, как цветные фантики (или нынешние рекламы). Он подрастает, яркость прискучивает — и он начинает искать в картинках чего-то другого. Для него яркость стала пошлостью, а для его соседа — еще нет. Когда меня спрашивают: „Вам нравятся вот эти стихи?“ — мне трудно ответить. Мне хочется сказать: в пять лет мне они бы не понравились (были бы непонятны), а в пятнадцать бы понравились (пришлись бы в самый раз), а в тридцать нравились бы меньше (прискучили бы). Интересно, будут ли они мне нравиться в восемьдесят лет: вдруг я увижу в них что-нибудь новое? А нравятся ли они мне вот сейчас, на перегоне между прошлым и будущим, это, право, несущественно»⁷⁰.

В определенном смысле «производным» от широкого понимания культуры (включающего в себя и личностно-ориентированную составляющую) выступает трактовка М. Гаспаровым идеологии. Последняя предстает вектором воздействия-давления на пребывающего в многоликом мире культуры. Идеология как «комплекс идей, не самостоятельно выработанных человеком, а навязанных», врывается в индивидуальную жизнь, ставит преграды, упрощает, сплюсчивает социальную действительность. Слова М. Гаспарова применительно к «социалистическо-

⁶⁹ Там же. С. 13–14.

⁷⁰ Там же. С. 22–23.

му реализму» выражают отношение ученого к идеологии в принципе: «Он гарантировал остановку душевного развития и духовных исканий — мешал людям думать»⁷¹.

Не удивительно поэтому, что М. Гаспаров не соглашается с идеологическим искажением, сокрытием творческих усилий и результатов того или иного автора. Советская «официальная слава» не мешает ему видеть в М. Горьком, В. Маяковском художников слова, заслуживающих непредвзятого анализа⁷². С досадой он отмечает: «Борис Пастернак не мог принять эйзенштейновского „Грозного“, чувствуя в его кадрах сталинский заказ, разве нам не легче оттого, что мы можем отвлечься от этого ощущения?»⁷³. Совет М. Гаспарова «отвлечься», не принимать в расчет моменты, мешающие слышать, видеть, чувствовать позицию Другого, является определяющим в стратегии ученого применительно к идеологии. Стоит подчеркнуть, что речь идет при этом не о пассивном или эскапистском неприятии-сопротивлении идеологии, а об отказе от методов идеологии — от давления в ответ на давление. М. Гаспаров не просто ставит под сомнение ограниченность и ограничительное воздействие логики давления, которая препятствует усилиям личности выстроить собственные отношения с культурой. Он идет дальше — акцентирует внимание на разрушительной тупиковости такой логики, разъясняет, насколько опасно ей следовать: «Стиль Булгакова я люблю больше, но душевно Платонов мне ближе. Революция ужасна у обоих, но Платонов не ненавидит ее оголтелых героев, а жалеет их; а Булгаков ненавидит, и ненавидит со вкусом и наслаждением. А я не люблю тех, кто упивается ненавистью. От этого бывает очень дурная инерция бесконечного взаимоистребления»⁷⁴. Раз-

⁷¹ Там же. С. 47.

⁷² Там же. С. 260.

⁷³ Там же. С. 11.

⁷⁴ Там же. С. 258.

рушительное воздействие идеологии начинает давать о себе знать, когда мы пытаемся противодействовать ей, перенимая ее же принципы и методы. Идеология втягивает нас в замкнутый круг взаимоподавления, социального взаимовытеснения. В этом видится суть разоблачения М. Гаспаровым идеологии.

Однако не надо думать, что некоторая сдержанность М. Гаспарова в противостоянии идеологии обусловлена тем фактом, что он в полной мере не испытал ее удушающего воздействия. Иллюстрации личного порядка, которых немало в сборнике, говорят о том, что пресс идеологии был очень хорошо знаком ученому. Вот одна из них, сочетающая биографические факты со сдержанной по тональности рефлексией: «Я могу выделить и то, что во мне от марксизма, и то, что от реакции на него. Моим стиховедению и общей поэтике одинаково неуютно и в советском, и в послесоветском идеологическом климате: там они слишком далеки от обязательной идейности, тут — от обязательной духовности. Сказать то, что ты хочешь сказать в науке, можно всегда: на то мы и учимся риторике. Смена режима сказала в том, что раньше мне нужно было треть сил тратить на риторические способы, чтобы приемлемым образом высказать то, что я думаю, а теперь этого не нужно; так что я полагаю, что теперь жизнь все-таки пока лучше. Во всяком случае для меня, старого и безопасного. Лучше ли для молодых, которые должны пользоваться понятиями Дерриды и Флоренского, как мы должны были пользоваться понятиями Маркса, — в этом я не так уверен...»⁷⁵.

Заключительная часть последнего фрагмента показательна. М. Гаспаров подводит нас к пониманию того, что идеологией может стать любой взгляд, циркулирующий в культуре, когда его насаждают как нечто «обязатель-

⁷⁵ Там же. С. 184.

ное». Идеология использует материал культуры, паразитирует на нем. При этом она манипулирует приобщенностью личности к культуре. Делается это двояким образом: через ограничение (преграждение) доступа к многообразию и через лишение личности выбора собственного пути движения в пространстве культуры. Для М. Гаспарова же индивидуальное начало живет и развивается при/во взаимодействии с богатством культуры.

Вот еще одна иллюстрация, которая представляет рассуждения М. Гаспарова не как нечто абстрактное, а отсылая к конкретным убеждениям и действиям. Читатель при желании может соотнести жизненный опыт ученого с собственным. «Есть марксистское положение: личность — это точка пересечения общественных отношений. Когда я говорил вслух, что ощущаю себя именно так, то даже в самые догматические времена собеседники смотрели на меня как на ненормального. А я говорил правду. Я зримо вижу черное ночное небо, по которому, как прожекторные лучи, движутся светлые спицы социальных отношений. Вот несколько лучей скрестились — это возникла личность, может быть — я. Вот они разошлись — и меня больше нет.

Что я делаю там, в той точке, где скрещиваются лучи? То, что делает переключатель на стыке проводов. Вот откуда-то (от единомышленника к единомышленнику) послана научная концепция — протянулось социальное отношение. Вот между какими-то единомышленниками протянулась другая, третья, десятая. Они пересеклись на мне: я с ними познакомился. Я согласовываю в них то, что можно согласовать, выделяю более приемлемое и менее приемлемое, меняю то, что нуждается в замене, добавляю то, что мой опыт социальных отношений мне дал, а моим предшественникам не мог дать; наконец, подчеркиваю те вопросы, на которые я так и не нашел удовлетворительного ответа»⁷⁶.

⁷⁶ Там же. С. 60–61.

Из приведенного фрагмента видно, что М. Гаспаров не избегает ни терминологии, ни положений идеологии, в частности марксистского толка. Делает он это сознательно, руководствуясь собственной широкой трактовкой культуры. А именно идеология выступает для него частью культуры. Выполняя роль одного из фильтров, дозирующих, направляющих и определяющих степень приобщенности личности к культурному многообразию, оперируя культурными наработками, идеология сама продуцирует смыслы, с которыми работают различные социальные субъекты. Вот почему идеологии также не чужда плюральность. М. Гаспаров обращает внимание на многообразие сосуществующих в обществе идеологических установок: господствующая, вспомогательная, националистическая, христианская, коммунистическая. «...идеологий может быть очень много и существовать в одном сознании они могут очень причудливо»⁷⁷, — отмечает он. Иными словами, культуру отличает от идеологии не плюральность как таковая, а предоставление социальным образованиям права быть субъектами в пространстве многообразия, при одновременном сохранении ими этого права и за другими. Вопрос состоит не только в свободе от идеологического давления на каждого из нас, но во многом и в том, чтобы нам самим не превратиться в рупор идеологического давления на других. Культура дает возможность разному жить, не уничтожая друг друга. Идеология же ставит Другого в зависимое положение.

Особо хотелось бы обратить внимание на то, что проблема связки «культура — идеология» имеет непосредственный выход на тему социальной критики и интеллигенции как активного участника этого процесса. М. Гаспаров с большим вниманием и вместе с тем осторожностью относился к данному сюжету, заслуживающему от-

⁷⁷ Там же.

дельного рассмотрения. Ограничимся лишь одной цитатой, выражающей позицию ученого: «До этого [1905 года] всякое участие образованного слоя общества в общественной жизни обречено было быть не интеллектуальным (практическим), а интеллигентским (критическим) взглядом из-за ограды. Критический взгляд из-за ограды — ситуация развращающая: критическое отношение к действительности грозит стать самоцелью. Анекдот о гимназисте, который по привычке смотрит столь же критически на карту звездного неба и возвращает ее с поправками, — естественное порождение русских исторических условий»⁷⁸. К подобным предостережениям ученого имеет смысл относиться с особой серьезностью, учитывая тот факт, что российской интеллигенции порой свойственно (особенно в кризисные периоды) «проваливаться» из культуры в идеологию. В этом смысле принципиально замечание иркутского обществоведа М. Рожанского, высказанное им в дискуссии, состоявшейся в эпоху перестройки: «В каждой крайности, какая бы она ни была, если она поддерживается какой-то частью населения (о чем в наших условиях свидетельствуют опросы, выборы), есть своя правда, истина»⁷⁹. Тем не менее об этом подчас забывают. Более того, нередко делаются скоропалительные обобщения: положения, высказанные отдельными людьми, отождествляются с мнением значительных по численности групп населения, вплоть до «народа в целом». Показавшуюся кому-то «ошибочной» точку зрения очень быстро «растягивают» на многих и запускают «уроки просвещения», предлагая то, что самим представляется верным. Но парадоксальность подобной стратегии состоит в том, что этим все не заканчивается. Те, кто ощущает, что на них давят, нечто навязывают, в свою очередь выступают с ответными декларациями. При этом общество

⁷⁸ Там же. С. 95.

⁷⁹ Раскол интеллигенции? // Человек. 1995. № 2. С. 76.

начинает раскалывать не только «вертикальное» расщепление (по оси «просвещения»), но и «горизонтальное». Ибо «просветительская» деятельность интерпретируется в каждом отдельном случае по-своему. Так начинается очередной раунд «раскола интеллигенции», когда она «ссорится сама с собой, воюет, шарахается из стороны в сторону, и таскает за собой всю страну»⁸⁰. Плюрализм, неизбежный в силу относительности восприятия социальной реальности различными общественными субъектами, в среде, претендующей на исключительность знания и понимания, продуцирует импульсы «большого напряжения». Неслучайно снова и снова авторитетные тексты, будь то Библия, Коран, учение Карла Маркса или Льва Толстого, совершенно по-разному интерпретируемые, используются в качестве аргументов в полемике с оппонентами.

Книга М. Гаспарова — пример реализации социальной критики, опирающейся на культуру. За отстаиваемой М. Гаспаровым позицией «причастности» культуре в ее многообразии стоит не просто сугубо профессиональная исследовательская позиция энциклопедической открытости, не исключительная склонность филолога — любить «ВСЯКОЕ слово»⁸¹, а гражданская позиция, опирающаяся на знания истории культуры и позволяющая сказать: «Культура — это наука человеческого взаимопонимания: общепризнанный культурный пантеон, канон классиков, онтологии образцов, обрастающие комментариями к комментариям (как в Китае, как в Греции), это почва для такого комментария»⁸². Культура — огромный мир-дар, достающийся каждой личности, каждому социальному субъекту и преподносящий им возможность и право его проживать, осмысливать собственным образом.

⁸⁰ Там же. С. 78.

⁸¹ Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 182.

⁸² Там же. С. 12.

«В защиту» повседневности

*Да, наша жизнь устроилась так, что выживают только
(не считая известно кого) сильные физически и духовно.
Но что делать негероям, обывателям (в старом,
не отрицательном значении этого слова)?*

А. Чудаков

Обрамление слова *защита* кавычками — попытка преодолеть наблюдаемую подчас неприязнь в отношении повседневного, не способствуя при этом социальному напряжению. В самом общем плане враждебность, демонстрируемую применительно к обыденности, можно охарактеризовать как определенную степень высокомерия. Такой уровень неприязни на первый взгляд кажется незначительным и не заслуживающим обсуждения. Однако, как оказывается, подобного рода отношение к повседневности нередко демонстрируют представители элит (будь то финансовой, политической или интеллектуальной⁸³), и оно достаточно легко трансформируется в катализатор общественного противостояния.

⁸³ О некоторых дискуссиях по этой проблеме см.: Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М., 1991. С. 39–50; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.

Повседневное — рутинно: для него характерны повторы и, соответственно, однообразие. Более того, оно очевидно и ожидаемо. Все это делает обыденно-приземленное не привлекательным и интерпретируется как нечто ограниченное. Однако подобные оценки представляются односторонними — они во многом обусловлены тем, из какой социальной точки декларируются. Стоит вспомнить, сколь значительный интерес вызывают у туристов повседневные моменты жизни представителей коренного населения, или насколько самое рутинное действие оказывается не по силам тому, кто к нему не привычен.

Вместе с тем факторы материального, психологического порядка нередко способствуют превращению повседневности в ловушку, существенно сковывающую свободу личности. Но и в этих случаях многое зависит от восприятия: от внутренней готовности осознать проблему и искать способы «разгерметизации» повседневного.

Жизнь в значительной мере есть рост, который, в свою очередь, предполагает укорененность. Духовное восхождение вряд ли возможно, если под ногами нет азбучно-приземленного. Речь не идет об идеализации повседневного, а скорее об оправданности внимания к нему как к жизненно необходимому средству (далеко не только материального свойства), поддерживающему ребенка в личностном становлении и выступающему опорой во внутреннем движении для взрослого человека.

В романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» одному из героев принадлежат следующие слова: «До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные из-

«Наивное письмо» и производители нормы // Коллаж. М., 1997. С. 7–32; Вахштайн В.С. 10 лекций о мире повседневных взаимодействий. URL: <http://postnauka.ru/courses/17477>; Молчанов В.И. Проблематичность смысла: от М. Вебера к А. Шюцу. Часть II. Переживание и повседневность // История философии. 2020, № 2. С. 69–80; Сыродеева А.А. Возможности малого. М.: Вост. лит., 2012.

речения и правила, заключенные в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорил притчами из быта, поясняя истину светом повседневности»⁸⁴. Отдавая себе отчет в том, что писатель в эту фразу вкладывал смыслы, восходящие к многовековой духовной традиции, решусь утверждать, что приведенные слова допускают и светское прочтение. Есть в повседневном нечто очень важное, наполненное смыслом и теплом, что необходимо человеку для понимания себя и окружающего мира. Оттолкнувшись от приведенной цитаты, обратимся к блоку связанных с ней рассуждений автора романа «Доктор Живаго».

Повествуя о юношеском периоде в жизни героини, который пришелся на дореволюционную эпоху, Б. Пастернак пишет: «Лара не была религиозна. В обряды она не верила. Но иногда для того, чтобы вынести жизнь, требовалось, чтобы она шла в сопровождении некоторой внутренней музыки. Такую музыку нельзя было сочинять для каждого раза самой. Этой музыкой было слово Божие о жизни, и плакать над ним Лара ходила в церковь»⁸⁵. Для Б. Пастернака повседневное согласуемо с тем, что имеет духовное содержание, длящееся сквозь время. Сплетенная с бытом культурная традиция служит человеку необходимым, значимым подспорьем. В размышлениях героя романа, Юрия Андреевича, подобного рода сплав именуется «обычаями повседневности»⁸⁶. От имени своего героя, различая два направления в русской литературе, Б. Пастернак поясняет, что стоит за данным понятием. «Изо всего русского я теперь больше всего люблю русскую детскость Пушкина и Чехова, их застенчивую незабоченность насчет таких громких вещей, как конечные цели человечества и их собственное спасение. Во всем этом хорошо разби-

⁸⁴ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М., 2013. С. 55.

⁸⁵ Там же. С. 62.

⁸⁶ Там же. С. 311.

рались и они, но куда им было до таких нескромностей, не до того и не по чину! Гоголь, Толстой, Достоевский готовились к смерти, беспокоились, искали смысла, подводили итоги, а эти до конца были отвлечены текущими частностями аристократического призвания, и за их чередованием незаметно проживали жизнь, как такую же личную, ни кого не касающуюся частность, и теперь эта частность оказывается общим делом и подобно снятым с дерева дозревающим яблокам сама доходит в преемственности, наливаясь все большею сладостью и смыслом»⁸⁷.

Вслед за Б. Пастернаком можно сказать, что повседневность и есть собственно жизнь во всей своей сложности, многогранности, неоднозначности. Жизнь складывается из череды повседневных эпизодов, одновременно формирующих человека и являющихся объектом личностных усилий. Более того, в сугубо частные житейские моменты вновь и вновь вплетается духовное содержание, объединяющее людей между собой здесь и сейчас, а также с другими поколениями (прошлыми и будущими). Повседневное не противостоит культуре как нечто предшествующее ей или низовое, а является ее неотъемлемой составляющей, оно встроено в культуру и откладывается историческими слоями⁸⁸. Б. Пастернак напоминает, сколь значительно наследие, укорененное в «ча-

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ О роли повседневности в истории культуры М. Гаспаров пишет: «Греческая эпиграмма, которой мы любуемся, для самих греков была литературным ширпотребом, а греческие кувшины и блюда, осколки которых мы храним под небьющимися стеклами, — ширпотребом керамическим. Жанр романа, без которого мы не можем вообразить литературу, родился в античности как простонародное чтение, и ни один уважающий себя античный критик даже не упоминает о нем». (Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. М., 2012. С. 9). При этом ученый обращает внимание и на обратный процесс: «Есть закономерность: классические памятники взрослой литературы спускаются в детскую и продолжают в ней быть массовым достоянием». (Там же. С. 231.)

стности», воспринимаемой как личное призвание: «И вот в завал этой мраморной и золотой безвкусицы пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнута человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира»⁸⁹. «Обычаи повседневности» не ограничены рамками рутинного быта, они выводят личность на уровень ценностей и смыслов, вверяемых нам другими, позволяя ощущать себя частью сквозь время пребывающего сообщества.

Мы снова и снова берем уроки, помогающие искать, видеть и создавать духовное содержание в пространстве, где оно вполне реально и ощутимо: среди людей, которые нас окружают день за днем. А затем мы делимся друг с другом опытом тех минут и ситуаций, где свет отношений и смыслов был воспринят и пережит в своей непосредственности. Опыт других становится нашим собственным, мы прирастаем им. Его содержание обретает новые формы воплощения, играет новыми красками, оставаясь простым и понятным, каковым является мир обыденного.

Откроем сборник стихов «ВОКШАТСО»⁹⁰ современного русского поэта Константина Гадаева⁹¹ и взглянемся

⁸⁹ Пастернак Б.Л. Указ соч. С. 57.

⁹⁰ Гадаев К. ВОКШАТСО. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015. Автор объясняет смысл названия сборника следующим образом: «Над главной пристанью в Осташкове красуется надпись большими бетонными буквами с названием города. Прочсть ее возможно только со стороны озера (озера Селигер. — А.С.), подплывая на теплоходе. Из города же эта надпись прочтывается как ВОКШАТСО. Слово это втемяшилось в голову автора как символ веселой и роковой противоречивости нашей жизни». (Там же. С. 4.)

⁹¹ Константин Гадаев входит в поэтическое содружество «КУФЕГА» вместе с Михаилом Кукиным и Игорем Фёдоровым.

в узнаваемый мир бытовой рутины, где мало что случается. В этой социальной нише «события невелики»⁹² и, казалось бы, «ничего не изменить»⁹³. Здесь приходится довольствоваться немногим, что лишь изредка прерывает устоявшееся однообразие. Но так ли это несущественно?

* * *

*Ждать чего-то терпеливо,
может, музыки какой...
Из больших событий — ливень
вертикальную рекой.*

*Дребезжал в текущих стеклах,
топал в кровельную жесть.
Силы жизненной-то сколько
до сих пор на свете есть! <...>⁹⁴.*

Напомним себе, что природа — «первая» повседневность; как и социальная, она будто наполнена лишь очевидным. Вслед за поэтом мы всматриваемся, вслушиваемся в монотонные повторы, неразрывные с жизнью. Книга стихов К. Гадаева воспроизводит много привычных ритмических рисунков природных и рукотворных. Ритм на первый взгляд ограничивает пространство движения, но, как оказывается, задав определенный шаг-размерность, он помогает сосредоточиться и ощутить что-то очень существенное, а затем понять и сформулировать. Ставший почти неприметным или низведенный на эту роль, ритм открывает сознанию то, что не давалось в беге, в псевдопрорывах, в претензиях на динамичность.

⁹² Там же. С. 41.

⁹³ Там же. С. 6.

⁹⁴ Там же. С. 5.

ГАМАК

<...> О, звук покоя и тоски –
верёвки трутся о крюки!

<...>

Я благодарен гамаку
за то, что все еще могу
покачиваться и курить,
с самим собою говорить.
И видеть, слышать, осязать,
принюхиваться, так сказать,
и потихоньку засыпать,
любой полундре вопреки,
под звук покоя и тоски⁹⁵.

ВЕНТИЛЯТОР

Ты не спи, Вентилятор, мой друг!
Продувай, кольхай все вокруг,
головую бессонной мотай,
лопастями мелькай,
от мыслей отвлекай,
но, пожалуйста, не улетай!

<...>

Ты не спи, Вентилятор, не спи.
Мой характер занудный терпи.
Ты и мне помогай не уснуть,
чтобы стих дотянуть,
а потому улизнуть —
и в рассветную гладь занырнуть⁹⁶.

⁹⁵ Там же. С. 48–49.

⁹⁶ Там же. С. 22.

В ритмике обыденного присутствует, таится свое содержание. Стихотворение «Дрова» рисует то, как жизненная неотложность, неустанная воспроизводимость повседневных забот собирает взрослых и детей, домочадцев, соседей, друзей. При этом бытовые хлопоты дают каждому участвующему возможность обрести важные лично для него смыслы. Их палитру доносит до нас поэт, знакомя с разными позициями и устремлениями.

*<...> А вот и Саша Гусев, мимо едя,
К нам зарулил. Сказал, что по ночам
Не спит чего-то. Делать ничего
Не делает, а ляжет и лежит...
— Дай хоть дровишки покидаю, что ли!
Простое дело лечит от всего.*

*<...> с горкой тачку нагружает
Наш Миха, затевая гимн дровам,
с пристрастием к риторике античной:
О, сколько же в дровишках сих тепла,
И посиделок у костра, и споров,
И стопок опрокинутых, и песен...
Осенняя пусть обступает мгла,
Пусть свой зима показывает норы —
Наш скромн стол, зато друзьями тесен.
О, сколько же в дровишках сих тепла!.. <...>⁹⁷.*

Повседневность не герметична, она открыта Другим, с которыми поэт беседует то вслух, то про себя. Он настроен говорить о важном, серьезном — «в ночь бессонную в свете совести»⁹⁸ — стремясь «что-то лучшее в сердце вернуть»⁹⁹, и считает, что такого рода разговор начинается

⁹⁷ Там же. С. 9–10.

⁹⁸ Там же. С. 37.

⁹⁹ Там же. С. 40.

с простых тем и проблем («вымыть, смазать, подкачать»¹⁰⁰) среди родных и друзей, «тех, кто на фотках рядышком, с улыбками на лице»¹⁰¹. Частые беседы в повседневном интерьере (доверительные с женой и детьми, застольные и у костра, когда «помянута каждая малость»¹⁰²) выступают необходимым контекстом внутренних переживаний, размышлений и поисков.

В той мере, в какой повседневность социальна, будучи длящейся обращенностью к Другому, она — многолика. Беседы, свидетелями которых мы становимся, совершаются в разных жанрах. С самого начала нам сообщают, что под одной обложкой собраны элегии, притчи и куплеты. Разноплановые стили общения, как и в реальной жизни, подпитывают друг друга. Располагая рядом «высокое» и «низкое», поэт показывает, как непохожие речевые практики живут бок о бок, фактически помогая пребывающему в культурной мозаике сформулировать вопросы, требующие понимания и, по возможности, решения. Соответственно, интонация поэта не остается неизменной. Он то критичен, то ироничен, а порой сентиментален в своем описании повседневности такой, какая она есть: однообразная, буксующая, неприглядная, теплая, трогательная, милосердная.

Звучащая в стихах обращенность к разным Другим, восприимчивость к социальному многоголосию свидетельствуют о внутренней открытости, полноте бытия лирического героя, что находит выражение в чувстве *полнотности*. Сборник демонстрирует, как через неустанные беседы смысл кристаллизуется, принимает форму и затем... отрывается от земли. В повседневности сокрыта гамма отношений, заряжающих личность душевной

¹⁰⁰ Там же. С. 5.

¹⁰¹ Там же. С. 43.

¹⁰² Там же. С. 51.

и смысловой энергией. Обогретый теплотой и светом общения с духовно близкими людьми, лирический герой на наших глазах устремляется в «необычные» путешествия.

* * *

*<...> Я тоже, как птица, руками машу.
Я тоже, я тоже вот-вот полечу!
И этим полетом людей насмешу.*

*Людей, что подолгу сидят у огня,
котлет налепили и рады гостям,
людей, что на небе увидят меня
и скажут: Смотрите, летит наш Костян!
Как Аэростат Цеппелиныч какой!..*

И я помашу им рукой¹⁰³.

Для поэта в повседневности сосуществуют оседлость и динамичность. «Полетные» стихи не перечеркивают провинциальности повседневного, где в работе рук, чувств, мысли создается душевная поддержка. Обретаемая личностью устремленность хранит память об истоках внутренней динамичности. Стихи рисуют кружение-движение времени, объединяющее рутину с полетом, лежащее у нас под ногами с парящим в небе, статичное с пребывающим в движении. Человеческая жизнь, в которой соседствуют детство со старостью, радость с горем, смех со слезами, сплетена, слеплена с родственным ей кругом движения природы.

¹⁰³ Там же. С. 38.

* * *

*Потоком времени несом,
я в нём почти что невесом,
хотя весьма увесист.
Вот тут стою на берегу
и настояться не могу,
как будто соткан весь из*

*песка, и блеска зыбких вод,
и шелестов, и этих вот
комариков и мошек,
поклёвки ждущих рыбаков...
И музыки, быть может.*

*А время крутит и несёт
из глубы в синеву высот,
в полёт необычайный,
где света горнего игра...
И жизнь — лишь капля серебра
с крыла озёрной чайки¹⁰⁴.*

Устремленности лирического героя созвучен опыт живущих в российской провинции: их самобытный взгляд на мир, жизненная мудрость и глубина переживаний. Нарисованные поэтические портреты жителей Селигера помогают увидеть и понять, как нередко человеку удастся обнаружить духовные смыслы в повседневной простоте и одновременно раздвинуть ее рамки усилием и чудом творчества. При этом за природой сохраняется роль значимой психологической и мировоззренческой поддержки.

¹⁰⁴ Там же. С. 18.

* * *

*Пройдя колоннаду сосен,
врасти в изумрудный мох...
С рожденья в себе мы носим
короткое слово Бог.*

*Но здесь, на краю озёрной
распахнутой красоты,
ввиду широты обзора
виднее Его черты.*

*Точнее, в воде отражённый
такой то ли цвет, то ли свет,
когда от песком груженной
баржи расходится след, —*

*что можно в Него и не верить,
а попросту видеть и знать,
всей кожей в атмосфере
присутствие осязат¹⁰⁵.*

Повседневное предстает у К. Гадаева в своей объемности, будучи сплетено с уходящей в историю духовной традицией, собирающей людей для взаимоподдержки и задающей тональность внутренней работы. Самые первые уроки традиции — в простых, незамысловатых условиях повседневного быта. Неслучайно в сборнике упоминаются дети, а также есть строки, обращенные непосредственно к ним. Для детского сознания повседневность в течение какого-то периода олицетворяет весь мир. Давая советы ребенку, как вести себя в пространстве быта, взрослый фактически формулирует принципы, на которые стоит ориентироваться на протяжении жиз-

¹⁰⁵ Там же. С. 54.

ни. Через совместное освоение и осмысление с детьми бытовых ситуаций и проблем совершается передача эстафеты жизни следующим поколениям.

Обыденное, укорененное в традиции, — место, из которого берут свое начало вектора внутреннего движения. Там спрятано то, что становится предметом жизненных поисков человека.

* * *

*Сам сознаю, что жалок и смешон,
когда прошу: стихи, не уходите!
Ещё хоть раз в себе соедините
крик чайки и на вилке корнришон,*

*из нержавеющей стопочки и небо
вечернее, другое каждый день...
Ещё хоть раз полюбоваться мне бы
от камушка кругами по воде —*

*к вам применительно. Не уходите!
Для вас дозрели вишня и любовь...
Я потеснюсь — живите, где хотите,
в любом просвете, в мелочи любой¹⁰⁶.*

Эти щемящие, в чем-то молитвенные, строки подсказывают, где сокрыто высокое, откуда оно вырастает — из обыденной жизни, «прогревающей докрасна сердца»¹⁰⁷. Там, в повседневности, сплетенной с традицией, удастся каждому начертать и оставить след, пройдя свой Путь.

¹⁰⁶ Там же. С. 47.

¹⁰⁷ Там же. С. 21.

Ускользящая реальность

Бытие ускользает от фиксации. Не то что бытие где-то существует само по себе и сверх того еще ускользает от рассмотрения; нет, ускользание бытия как такового — это и есть само бытие.

В. Биbihин

Человеку сложно помыслить себя вне повседневности. Однако в конкретные периоды жизни и исторические эпохи наблюдается разная степень ее проблематизации. Привычность и очевидность повседневности способствуют «разговору» о ней, будь то на общественном или межличностном уровне, когда случается ее слом, превращение в «уходящую натуру». Трагическим образом наиболее радикальные попытки изменить, взорвать устои, заведенный порядок — войны, революции — оказываются наиболее выразительными иллюстрациями того, какова роль повседневного для человека и чем чреват социальный распад привычных ритмов.

За пределами же катастроф социального или личного порядка, катаклизмов природных или техногенных к повседневности часто и настойчиво предъявляют многочисленные «претензии». Ведь она функционирует согласно предзаданным принципам, что многим представляется сковывающим свободу, соответственно, внутренние

цели и устремления предпочитают увязывать не с ней. Она однообразна и потому непривлекательна, малоинтересна. Таковой долгое время оставалась в том числе для исследователей. Неслучайно ее синоним в общественном сознании — «мещанство» — намекает на местечковость и меркантильность, а в научном — «обыденность» — классифицирует соответствующий взгляд на мир как узкий и упрощенный. Сколь пленительны «в противоположность обыденной незадачливости человеческой жизни черты исключительности, незаурядности и потому волнующей остроты...»¹⁰⁸

Современная социальная реальность делает повседневность дополнительно уязвимой. В самом общем плане можно определить наметившуюся тенденцию как вытеснение и разрушение повседневности динамичностью современной жизни. При этом интрига состоит в том, что обыденность сопротивляется такому вектору развития. И это противостояние многое раскрывает в ней самой. Вместе с угрозами, нависшими над повседневностью, и опасностями, которые, как следствие, наступают нашего современника, последний обретает шанс чуть лучше разобраться в реальности, где проводит час за часом собственной жизни, а значит, и лучше понять самого себя.

Нынешнюю действительность отличает особая подвижность. Жизнь не просто динамична, но радикально изменчива. Все чаще звучит тезис, что человеку предстоит менять профессию в течение жизни несколько раз. Очевидным образом предметы быта стремительно устаревают. Наш современник вынужден неустанно адапти-

¹⁰⁸ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 215.

роваться к трансформирующейся реальности. Создается впечатление, что неопределенность, привнесенная бурными изменениями, победила или по меньшей мере затмила обыденность.

Но на деле параллельно происходят процессы иного рода: динамичность социальной действительности подталкивает людей не порывать с повседневностью, не пытаться выпрыгнуть из нее, а, напротив, по возможности оберегать. Ощущая, как техника, оснащенная мотором, мчится со все возрастающей скоростью, отнимая у нас многое, мы пытаемся притормозить и пересаживаемся на средства передвижения из прошлого, в том числе из нашего детства — на велосипеды и самокаты, — отправляемся в регулярные пешие прогулки не в последнюю очередь для возвращения в привычные ритмы. При всех радикальных изменениях института семьи ценность домашнего очага остается значимой и желанной. Тезис психологов о важности для детей родительской заботы все лучше усваивается динамичными бизнесменами. И сколько бы они ни перепоручали свои родительские функции няням, бабушкам и дедушкам, стремительное взросление детей подталкивает их уделять внимание, дарить любовь детям, а если не успели, то по крайней мере внукам. Открываются музеи уходящих десятилетий. Жанр воспоминаний пользуется популярностью как среди читателей, так и писателей. Ориентация на сохранение «исчезающей» повседневности достаточно отчетлива.

В насквозь продуваемом изменениями мире повседневность нужна как якорь, почва, как печка, которая согреет и от которой по-прежнему самое надежное «оттолкнуться» во внутреннем устремлении. При этом не ставится под сомнение, что атмосфера повседневности бывает гнетущей, но обыденная рутина, подобно природным повторяющимся циклам, все чаще выполняет

роль необходимой терапии, которая требуется для обретения внутреннего равновесия.

Иными словами, находясь под натиском разного рода угроз, повседневности удастся уклониться, ускользнуть от опасностей, сохраняя свою почти экзистенциальную значимость для нас.

Каким образом почти Золушка оказывается способна на подобное? У ответа на этот вопрос есть разные аспекты.

Понятно, что в каком бы динамичном мире мы ни жили, ничто не может полностью и безвозвратно исчезать, а затем стремительно ниоткуда возникать. Скорее стоит говорить о засыпании или отходе на периферийный план, о стертых формах или промежуточных вариантах, о разных, в том числе скрытых, зонах пребывания конкретного социального явления. Соответственно, от исследователя и любого оплакивающего «утрату» повседневности требуется чуть менее драматично воспринимать происходящее. Не размышлять в терминах «есть/нет», «была/исчезла», «имели/потеряли», а подмечать нюансы изменения, трансформации. Отметим лишь некоторые из них.

А. Повседневности не угрожает исчезновение, скорее, она истончается. Соответственно, все меньше времени отводится для кристаллизации смыслов, что привычно гарантировала повседневная реальность. Переставая быть плотной, она тем не менее обретает много входов и выходов.

Б. Повседневным становится само изменение, которое не вытеснило обыденность, не взорвало изнутри, а привнесло в нее дополнительное многообразие.

По-видимому, проблема не в обыденности как таковой, а в том, как смотреть на нее, в какой степени отдавать

отчет в ее многоликости и многоплановости, делая ставку на то, что значимо и близко.

Подмечать многообразие повседневности помогает, в частности, внимание к тому, что происходит при прохождении ее символической границы. Согласно законам восприятия, в этой зоне совершается смена ракурса, работающая на прояснение имеющихся вопросов. В данном случае это позволяет ощутить потенциальную конечность повседневности, ее *лишь кажущуюся* неустрашимую длимость. Многие претензии к повседневности подпитывает ошибочное восприятие ее как не имеющей конца, всепоглощающей наше бытие. Динамичность сегодняшней жизни помогает освободиться от подобной иллюзии. В большей степени, чем прежде, дает о себе знать тот факт, что нет одной бесконечной повседневности. Скорее стоит говорить о множестве, разнообразии и краткости таковых. Соответственно, существует возможность переключаться, иным образом смотреть на обыденное, не задыхаться и не покидать его, хлопнув дверью и убежав. Современные процессы сработали на повседневность, разбивая ее на фрагменты.

Более того, если в прежние эпохи общественная стратификация жестко разводила по «социальным квартирам-полюсам» обыденности и выход из конкретного ее варианта был объективно труден, то ныне многочисленные социальные лифты (от доступных скоростных транспортных средств и СМИ до институтов демократии) позволяют нашему современнику быть достаточно мобильным, составлять собственные повседневные конфигурации. Обыденность перестала быть герметичной. Войти и выйти из нее человек может и индивидуально, и как член некоторого сообщества. При этом большой динамизм и демократизм современного общества способствуют тому, что человек, пробуя разные виды деятельности, обнаруживает в них

схожие структурные элементы: рутинная «черная» работа равно присутствует в низкооплачиваемом, в квалифицированном виде труда, в свободных профессиях. Подобный опыт существенно корректирует стереотипные представления о повседневности.

Повседневное сложно не только по своей внутренней организации или логике функционирования. Как и многие социальные явления, оно содержательно многогранно и ценностно неоднозначно.

Амбивалентность — одно из заметных свойств повседневности. Вопрос в том, насколько это принимается во внимание. Амбивалентность повседневности хорошо отражена в неоднозначном отношении к мещанству. Да, доля материального, земного в ней немалая. Но полет начинается с разбега, разгона по земле. Повседневность — почва, необходимая каждому для обретения сил и навыков.

Как следствие, повседневность оказывается в некотором смысле «универсальным» языком, который используется в разные эпохи, в разных уголках мира и разными социальными слоями, пусть и расставляют при этом история и география разные акценты. Радость забот, привнесенных рождением, а затем взрослением ребенка в кругу родных, помощь в горе и болезни близким, поддержание домашнего очага, упорный труд, сопровождаемый внутренним удовлетворением — все это в принципиальных моментах понятно и значимо для самых разных людей. В этом плане представляется возможным говорить о наличии социального интеграционного потенциала у повседневности.

Естественно, обыденность, описанная Ч. Диккенсом, существенно отличается от представленной в произведениях Дж. Остин. В диккенсовскую повседневность никто не хочет погружаться, тем более возвращаться.

Многими осознается и то, что война, революция как слом «старой» повседневности — по-своему устрашающие события, ибо означают превращение сиротства, бездомности, голода в «новую» повседневность. Не поэтому ли, когда назревает потребность в изменениях, путь реформ, переговоров, компромиссов предстает более жизнеутверждающей альтернативой? И не по этой ли причине психологи, советуя личности смену жизнеустройства в случае семейного, профессионального кризиса (но не всем, не всегда и главное — не сразу), рекомендуют посмотреть на проблему и ее участников под иным углом зрения и по возможности сделать выбор в пользу сбалансированных форм изменений в индивидуальном повседневном пространстве?

Более того, разнообразные смыслы присутствуют не только в самой повседневности, но и в ее связках, стыках с неповседневным. Важно не герметизировать, оставлять ее окна открытыми. Ибо не только внутри границ обыденного мира, но и за его пределами, получает воплощение присущий повседневности потенциал.

Многообразие структурное, смысловое и ценностное — существенный ресурс повседневности. Но он же ставит и вопрос о том, как им распоряжаться, пребывающему в ней и анализирующему ее.

Предпринимая попытки защитить повседневность, выявить ее возможности, важно не впасть в противоположную крайность. Восторженность, некритичность в отношении обыденности не просто означает необъективность, но фактически отталкивает тех, кому трудно принять определенные ее свойства.

В своей работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» Бернхард Вальденфельс, напомнив читателю о вкладе в разработку данной проблематики

А. Шюца и Г. Гарфинкеля, Л. Витгенштейна и Дж. Остина, А. Лефевра и А. Хеллер, М. Бахтина и В.Н. Волошина, Р. Барта и Ф. Броделя, отмечает: «Самые разнообразные исследования объединяются вокруг проблем обыденной жизни, и поэтому мы можем говорить о глубинном интересе к повседневности.

Однако в этой ситуации следует соблюдать особую осторожность, так как понятия, часто привлекающие к себе внимание ученых, могут приобретать неконтролируемую многозначность и потерять собственное содержание»¹⁰⁹. При этом Б. Вальденфельс ссылается на предостережения Норберта Элиаса: «Во-первых, нельзя превращать повседневную жизнь в *универсальную категорию*, под которую подводятся вьетнамские крестьяне, китайские мандарины, средневековые рыцари, афинские мыслители и обычный человек индустриального общества, соединяясь тем самым в некое мирное карнавальное шествие. Во-вторых, нельзя обыденную жизнь представлять в качестве *особой автономной сферы*, отделенной от общества с его структурами власти»¹¹⁰. И сам развивает эту линию рассуждений: «Я предлагаю генеалогию повседневной жизни, которая не допускает преувеличения значения этой сферы, не возводит категорию повседневности в ранг универсального понятия и не абсолютизирует теорию обыденной жизни»¹¹¹. Осуществляет он это, плюрализируя повседневность вслед за плюрализацией, расчленением в исторической перспективе рациональности: «„Рассеянному разуму“ соответствует превращение области повседневной жизни в лабиринт, который не был спланирован какой-либо центральной

¹⁰⁹ Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. С. 40.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же. С. 41.

инстанцией и не был создан по какому-либо образцу¹¹². Преобразив повседневность в лабиринт с множеством закоулков, он затем прослеживает разнонаправленные как вертикальные, так и горизонтальные процессы, происходящие в ней и с ней внутри социальной ткани. Прием «изменения перспективы»¹¹³ позволяет понять повседневность как плавильную печь, в которую попадает многое, а на выходе получается «переливающееся красками» разное¹¹⁴. Парадоксальным образом разнообразие повседневности может выступить как причиной, так и преградой для ее абсолютизации и чрезмерно расширительной трактовки. Думается, Б. Вальденфельсу удастся в определенной степени разрешить эту проблему, интерпретируя повседневность как место динамичных процессов, которое в свою очередь пребывает в динамичном изменении.

Существует немало пограничных сюжетов, которые помогают увидеть повседневность в действии. Коснемся двух из них. Первый — о том, где ускользание ее минимальное. Второй — о том, как на повседневность ведется наступление, где ей неуютно.

К числу зон, в которых повседневности много, где она очевидна и выступает хозяйкой, относятся периоды детства и пожилого возраста.

Слабые, вплоть до беспомощности, принадлежащие этим зонам возрастные группы оказываются защищены в данном пространстве. То, что еще или уже не могут делать сами — быть обогреты физически и душевно, — они находят в пространстве рутинной обыденности. Не исключая случаев насилия, как правило, это пространство уютнее, понятнее для детей и пожилых, чем внеобыден-

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С. 50.

ный мир. Циклы повседневного мира воспроизводят природные ритмы: дыхание, сон и бодрствование, смена времен года. Представителям двух названных групп немалым подспорьем служит то, что привычная ритмика повседневности соотносится с их возможностями, знакома им, многократно в течение жизни воспроизводится.

Две перечисленные возрастные группы больше других пользуются тем, что пластами откладывается и хранится в повседневности. Они — главные потребители описанного Фернаном Броделем: «Неисчислимы действия, передававшиеся по наследству, накапливавшиеся без всякого порядка, повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить — и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приемами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые порой, причем чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам»¹¹⁵.

Роль повседневности в качестве необходимой опоры для ребенка и старика благородна. Человек начинает свою жизнь в привычной рутине, она позволяет ему крепнуть, набираться сил. И он возвращается к ней, когда силы его тают. Подобная «рамочная» роль позволяет лучше видеть, насколько обыденное является неотъемлемой составляющей человеческой жизни.

Естественно, в ходе жизни многое меняется, в разные периоды пропорция смещается то в пользу повседневной стабильности, «оседлости», то «кочевого» образа жизни.

¹¹⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 13.

Более того, разным людям ближе по ряду причин разная ритмика. Среди периодов, когда человеку принципиально ускользнуть, выйти из-под влияния повседневности, — подростковый возраст. И, как следствие, этот период отличает нестабильность, отягощенность психологическими проблемами: подросток отказывается от, сбегает из заданной определенности обыденного мира, но при этом не знает, какой быть альтернативе, еще не способен выстроить то, что удовлетворит лично его.

Как бы ни множилась в своем многообразии, как бы ни делилась на фрагменты и не перемежалась нерутиным, повседневность все равно остается с нашим современником на протяжении его жизни, хотя и временно на второстепенных ролях. Среди прочего это обусловлено тем, что прогрессистская логика динамики и развития — не единственная, пусть и доминирующая ныне. Цикличность воспроизводится в пространстве обыденного, являясь немалым психологическим подспорьем. Здесь доминируют не сложные опосредованные связи, многозвеньевые цепочки действий и отношений, а непосредственная близость результата, каким бы малым или промежуточным он ни представлялся постороннему взгляду.

На фоне присущей повседневному очевидной амбивалентности, тем не менее достаточно отчетливо заявляет о себе негативное отношение к обыденному. А ведь последнее внутренне разнородно у дальнбойщика и коммивояжера, сезонного рабочего и фермера, работника на производстве и в офисе. Стереотипное мышление, которое любит все представлять в одном цвете, руководствуется тезисом об однообразии конкретного образа жизни, непохожего на собственный. И, как следствие, преобладающей тональностью в отношении представителя иного

типа обыденного становится в одних случаях высокомерие, в других — зависть.

Не сбрасывая со счетов материальный фактор, влияющий на восприятие *иной* повседневности, в данном случае хотелось бы обратить внимание на ценностно-смысловые моменты. Очень часто инициаторами и сторонниками высокомерного отношения к чужой повседневности наряду с представителями власти выступают интеллектуалы. Если для первых взгляд свысока — достаточно распространенная характеристика, следствие положения в социальной иерархии, то для последних — результат сложного сочетания причин. Очевидно, что для писателей и художников повседневное — интересный, ценный материал, в который они всматриваются, вслушиваются, затем создавая новые образы и рисунки жизни. Более того, можно предположить, что знания оберегают интеллектуалов от следования стереотипам и соответственно необоснованной стигматизации людей отличного социального круга. Однако нередко гордыня шагает рука об руку со взглядом на мир преимущественно с собственной точки зрения. Сложное упрощается высокомерным взглядом. Повседневность — удобный для подобных процедур материал. Слова Наталии Козловой, опубликованные в 1996 г., продолжают звучать злободневно. «Сегодня интеллигенция чаще всего объявляет себя носителем Культуры (непременно с большой буквы) и смыслов этой самой культуры. Культура — сакральное пространство, которое противостоит обыденному, косному, повседневному, мещанскому, крестьянскому. Она вся в заботах о душе (чужой, прежде всего), в стремлении подчинить человека не просто неким социальным правилам, но абсолютным ценностным иерархиям, основанным на „духовных“, метафизических принципах Культуры. Так Культура становится источником наси-

лия, которое может принимать различные формы. Одна из таких форм — вызывание чувства вины в тех, кто не приобщен. А источник репрессии — невинная убежденность в том, что хорошее — лишь то, что хорошо для самого „носителя“ культуры, правильного сознания, умения правильно мыслить»¹¹⁶.

Возможны и промежуточные варианты: лишь частичное высокомерие в отношении одних аспектов повседневности при учете сложности других, как это описано Эрихом Соловьевым при характеристике «снобистск[ого] равнодуши[я] к социально обеспокоенному рядовому участнику общественной жизни, которого часто называют *субъектом обычного сознания*. За последним признается психологическая сложность, отображающая сложность породивших его повседневных жизненных обстоятельств. Вместе с тем этому психологически трактуемому сознанию по строгому счету отказано в способности противостоять (или наоборот — осознанно следовать) направленному на него все более организованному, все более целенаправленному потоку массовой информации. В отношении к этому потоку обычное сознание есть беззащитная *tabula rasa*. Это сознание „простака, встретившегося с обманщиком“ (объяснительная модель раннего Просвещения). Это сознание без самосознания, носитель которого не поднимается до понимания своей вины (или хотя бы совинности) в отношении разделяемого им заблуждения и неспособен преодолевать его (заблуждение) в качестве *самообмана*»¹¹⁷.

Аристократизм знания неоправдан, а в чем-то и нелепын, в силу возрастающего демократизма, доступности

¹¹⁶ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М.: ИФ РАН, 1996. С. 8.

¹¹⁷ Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 5–17.

знания. Образованность коррелирует не только и не столько с материальными возможностями и социальным происхождением, сколько, как никогда ранее, с личным усилием. В информационном обществе знание доступно и не столь приватизировано отдельными социальными слоями, как прежде. С другой стороны, развитие самого знания выстраивает границы специализации. Это в равной степени касается теоретического и практического опыта. Поэтому уничижительная оценка «обыденный взгляд/мышление» дает о себе знать в разных типах деятельности, раздробленных перегородками специализации. Не стоит забывать, что, будучи экспертами в конкретной области, мы часто оказываемся обывателями в иных сферах.

Итак, по целому ряду причин повседневность, способная выступить понятным для многих языком, оказывается полем борьбы и противостояния. Наблюдаемое социальное напряжение с особой настойчивостью формулирует запрос на сбалансированное отношение к повседневности: без «придыхания» и «принижения». Требуется нейтральное отношение, не равнодушие, а признание, *принятие* разных ее аспектов. Подобный баланс труден. К нему взывают очень эмоционально, когда горечь несправедливых оценок кажется беспредельной. Взывает каждая из сторон. И если оппонент не желает слышать, обращаются к третьей стороне, к находящемуся над схваткой. Но как быть уверенным в том, что судья замечает всех, все стороны?

Картины повседневности вновь и вновь рисуют Художники разными красками, разными средствами, с разных ракурсов.

* * *

Уработанный за день на черной работе,
сидя спит человек.

Вагон метро
качает его,
в родную страну везет.

Человек нездешний, бронзовый весь,
плотно сидит, веки смежив,
в глубоком покое тяжелые руки
положил на живот.

Вагон метро
качает его,
а мимо горы плывут.

Синий спортивный костюм
облегает круглые плечи его.
Толстые губы открыты слегка,
как будто песню поют.

Вагон метро
качает его,
копытами тук да тук.

Крепко расставлены ноги,
подобно колоннам Синих ворот
при входе в город Урук.
Ой, а родина далека!
Родина далека!

Лампы в метро
освещают его,
руки его, колени его,
седое темя его.

Конечная скоро.
Вот и конец!
Дальше поезд уже не пойдет.
Заходит другой:
«Подъем! Встаем!» —
привычно ботинком в ботинок бьет.
Первый проснулся, быстро вскочил.
Второй, в погонах, дальше идет —

работа такая, устанешь как черт:
пьяный народ, сонный народ,
и все это дело по кругу течет,
по вечному кругу течет...
Пустой состав уходит в депо,
в квадратный черный проход.

Господи, на нашем пути,
на площадях, на улицах, в наших домах —
там, где Ты жил среди нас, где Ты учил,
не оставь нас, детей Твоих.
Милосердный, помилуй нас¹¹⁸.

Поэту Михаилу Кукину удалось нарисовать объемный образ повседневности. Здесь представлено сразу несколько ее вариантов. В чем-то они пересекаются, в чем-то рядоположены. У каждой свои светлые, темные, нейтральные грани. Многообразие собрано поэтом в привычном для многих месте — вагоне метро. Слышится ритмичный стук колес изо дня в день курсирующих поездов подземки. С тем, чтобы прозвучали голоса, мысли, чувства тех, кто пребывает в разных закоулках лабиринта обыденности, поэт приглушил (но не исключил) собственное мнение. Он оставляет за читателем право вос-

¹¹⁸ Кукин М. Состав земли. М.: Изд-во Н. Филимонова, 2015. С. 23–24.

принять прочитанное согласно личному опыту и свободу поиска той позиции-принципа, что охватит разное обыденное. Поэт полагает, что примирение под силу *посреднику*, который восприимчив к разному. Работа, реализуемая в логике подобной установки, является стержнем стихотворения. Заключительные строки, если позволительно будет светское их прочтение, — попытка собрать разное местоимением «мы», расположив *посредника* среди этого многообразия и начертав не вертикальную, а горизонтальную траекторию его взгляда. Нарисованная поэтом картина раскрывает возможности взгляда, который не оценивает, а всматривается, его обладатель вслушивается, размышляет, достраивает увиденное, пытаясь понять, чем вызвано расположенное на поверхности социальной ткани. Вертикаль в стихотворении появляется лишь в тот момент, когда поэт обращает взор на себя-рассказчика, тем самым вынося оценку своему подходу-прочтению окружающего. Но не ранее и не применительно к внешнему миру, где старается двигаться по горизонтальной оси «чувствительности к Другому». То, насколько важно различать контекст использования вертикальной и горизонтальной осей, хорошо показал Ричард Рорти в книге «Случайность, ирония и солидарность»¹¹⁹. По мнению американского неопрагматиста, установка на совершенствование должна ограничиваться личным пространством. В противном случае наряду с ролью дирижера собственного становления личность присваивает себе роль судьи Других.

Внешне тихая чуткость к ближнему не столько оправдывает кого-либо, сколько помогает видеть, что мы вместе находимся в одном вагоне жизни, соответственно, наши повседневности комплементарны. Подобные связ-

¹¹⁹ Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

ки, сцепки разного позволяют повседневности меняться и продолжать длиться, быть одновременно чем-то очень личным и понятным многим.

Повседневность составляет значительную долю нашей жизни. Ее недооценка подталкивает нас к обесцениванию жизни чужой и собственной. Вправе ли мы так поступать с тем, что связывает нас друг с другом? Повседневность воспроизводится в нашей личной жизни и из поколения в поколение. Размышляя над ней, мы задумываемся над приоритетами человеческого существования.

Малое и большое:
открывая другую сторону

Малое мерцает своими гранями-смыслами. В качестве принципа, провоцирующего вопрошание относительно большого, однозначного, неизменного, малое само зависит от случаев и контекстов и потому периодически требует поддержки со стороны большого. Утверждая пределы, малое нередко упирается в границы собственной применимости. «Умерь свои желания!» — говорим мы себе, своим детям и при этом понимаем, что такой совет не должен распространяться на мир знаний, которых не бывает много, их, напротив, стоит наращивать, совершенствовать. Равным образом, любовь к «малой родине» достойна уважения, но как аккуратно приходится обсуждать этот сюжет с ребенком, чтобы не подтолкнуть его к фобиям относительно представителей других сообществ.

Странным образом малое сосуществует с большим. Так, в советской школьной программе по литературе из года в год фигурировала тема «Образ маленького человека в русской литературе», однако это не мешало на собраниях класса (равно как и на любых официальных об-

ществленных мероприятиях) мнению большинства доминировать над индивидуальной позицией. Исторические эпохи масштабности сменяют периоды «соразмерности человеку»¹²⁰. При описании индивидуальной жизни мы обращаем внимание то на отдельные случаи, события и ситуации, то на цельность линии жизни. Нередко малое и большое бывают встроены друг в друга по принципу «матрешки». Так, развитие электроники движется в направлении размещения значительного числа технических возможностей внутри малого по размерам устройства, что создает комфортные условия для работы: «под рукой» оказывается сразу многое. Но хорошо известно и то, что сокращение отвлекающих факторов и внешних контактов способствует концентрации внимания для последующих прорывов в исследовательской и творческой деятельности.

Попытки заинтересовать малым, обратить внимание на его потенциал — во многом ответная реакция на ту подчиненную роль, которая ему отводится в оппозиции большое–малое. Однако, если мы перестаем напоминать себе о неоднозначности этого принципа, о его сплетенности с большим, реабилитация малого очень быстро приводит к упрощению картины мира, и тогда многие Другие начинают выпадать из поля зрения только потому, что где-то, когда-то, кто-то доминировал или доминирует.

Видя в малом большое, а в большом — малое, мы тренируемся жить с разным, фактически расширяя для себя поле возможного. Размышляя над темой связи малого

¹²⁰ «Цикличность переходов от малого мира в большой, от здравого смысла к доктрине, от примата индивидуального опыта ко „всемирно-историческому“ <...> и обратно воспроизводилась в европейской культуре уже несколько раз», — отмечал А. Панарин. (Панарин А.С. Революционные кочевники и цивилизованные предприниматели // Вестник АН СССР. 1991. № 11. С. 31.)

с большим, а также над сюжетами, перекликающимися с данной парой, синонимичными ей, как, например, фрагментарное и целостное, относительное и всеобщее, конечное и вечное, маргинальное и центральное — мы учимся быть в мире многообразия. Внимание к «другой стороне» (противоположной или просто иной) без отказа от той, что «прежде была мила», боится от ограниченности и ошибок, от жестокой однозначности, которая становится источником страданий нас самих и окружающих. Но, как оказывается, балансировать, придерживать взвешенной позиции очень непросто. Крайности искушают, имеют почти волшебную власть. Их привлекательность и сила в простоте. Вновь и вновь пытаюсь выйти из-под влияния какой-то из них, наверстать упущенное, мы очень скоро безоглядно погружаемся — в другую. И пара малое–большое не является исключением. Есть ли шанс пройти между разным и найти подход, по возможности учитывающий «вклад» каждой из сторон в решение конкретной проблемы?

Косвенным ответом на этот вопрос видится книга Натальи Автономовой «Философский язык Жака Деррида»¹²¹. Представленный в ней анализ корпуса текстов французского философа показывает, что Ж. Деррида задумывал и осуществлял свой проект, в частности, с целью решения такого рода задачи: «Деконструкция начинается с инверсии ценностей в метафизических оппозициях и с более высокой оценки того, что в прошлом оценивалось низко, — с целью нейтрализации этих оппозиций, а затем их смещения и создания на их месте новых понятий»¹²². Реабилитировав героя, находившегося в зависимом, слабом

¹²¹ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.

¹²² Там же. С. 97.

положении, деконструкция этим не ограничивается. С помощью импульса, полученного от более широкого видения мира, она помогает обнаружить нечто новое, выйти во вновь открывшееся пространство. Да, процесс реабилитации предполагает демонтаж систем и иерархий, которые структурно оформляли ситуацию подавления. Но при этом сама деконструкция мыслилась Ж. Деррида двусторонней: «...наряду с первичным разъятием, она собирает и организует»¹²³. Интеграция осуществляется уже на новом поле и с новым материалом, при этом в той или иной мере в нее включаются и старые герои.

Если проследовать за предложенным Н. Автономовой анализом, можно увидеть, что подобной проработке французский философ подвергает и тему взаимодействия конкретного (сингулярного) и всеобщего (универсального), синонимичную, как представляется, теме малого–большого.

Проект деконструкции связан с темой малого–большого уже тем, что дает «право голоса» ущемленному, нередко встроенному в большую систему. Кроме того, перефокусируя восприятие с некогда главного на другое действующее лицо, деконструкция обращает внимание на то, что Других — некогда считавшихся вторичными героями — фактически бывает много. Момент плюральности присутствует у Ж. Деррида в том числе при описании самой деконструкции: «Если бы мне нужно было пойти на риск — не дай Бог, конечно, — и дать одно-единственное определение деконструкции — короткое, эллиптическое, экономичное как приказ, я бы сказал, не развертывая этого во фразу: „больше одного языка“ (plus d'une langue)»¹²⁴. Признание множественности Других кри-

¹²³ Там же. С. 25.

¹²⁴ Цит. по: Автономова Н.С. Указ. соч. С. 94.

сталлизируется в принципе конкретности (ситуативности, контекстуальности) — отсылке к пределам действия того или иного феномена, процесса. Соответственно, и исследовательскую деятельность Ж. Деррида воспринимает как разнообразие и многообразие методов, подходов. С его точки зрения, существует много деконструкций, философий. «Любой вопрос ставится в определенном месте, в определенном пространстве, что только и делает его уместным, правомерным и осмысленным. Но значит ли это, что локальная заданность лишает этот вопрос всеобщей силы и значения, что всеобщих идей и ценностей вообще быть не может?» — спрашивает Н. Автономова, опираясь на логику рассуждений Ж. Деррида, и на страницах своей книги создает вариации ответов на эту тему. Самым общим слышится следующий: «Деррида неустанно развивает мотив, без которого камня на камне не осталось бы от философии, — мотив ценности универсального и всеобщего»¹²⁵. А теперь перейдем к уточнениям данного тезиса.

Главный момент, пожалуй, состоит в том, что универсальность воспринимается Ж. Деррида как некая перспектива, не обретаемая фактически, но осознаваемая, учитываемая, подразумеваемая. Настойчиво притягивая внимание, задавая направление движения, она остается неопределенной по своему содержательному оформлению, подобно недостижимой линии горизонта. Н. Автономова подбирает очень аккуратные формулировки для описания этой перспективы в трактовке Ж. Деррида: «мыслить <...> каждый раз конкретным образом, единичным образом, не исключаящим, впрочем, перспективы универсализации»¹²⁶, «мы напряженно существуем

¹²⁵ Там же. С. 213.

¹²⁶ Там же. С. 215.

между конкретной уместностью и недостижимой всеобщностью»¹²⁷.

Одним из «практических», «прагматических» воплощений идеи всеобщности для Ж. Деррида становится позиция космополита («современного „гражданина мира“»¹²⁸), которому есть дело до проблем в разных уголках планеты, который психологически и морально причастен к жизни других людей, будучи связан с ними как давними нитями пересекающихся культур, так и каналами современной телекоммуникационной среды¹²⁹. При этом «философия оказывается главной силой и едва ли не единственным последовательным защитником новой конструктивной космополитичности. <...> Право на философию — это одновременно и право человека на частное пространство, и самая замечательная опора в его поисках всеобщности»¹³⁰, «деятельность конкретно и универсально „изобретающая“»¹³¹. И вновь в словах Н. Автономовой мы слышим осторожность, не позволяющую превратить позицию Ж. Деррида в однозначную. Считая себя космополитом и выбирая философию в поддержку такого рода стратегии (как своей, так и других «граждан мира»), Ж. Деррида воспринимает философию двукрылой. При этом крыло всеобщности выписывает менее определено, менее четко — как пространство поиска¹³².

¹²⁷ Там же. С. 220.

¹²⁸ Там же. С. 323.

¹²⁹ Н. Автономова показывает, что обращение Ж. Деррида к взглядам И. Канта, П. Валери позволяет воспринимать термины «универсальный», «космополитический», «всемирно-гражданский», «всеобще-гражданский» как весьма близкие. См.: Там же. С. 218, 228, 230, сноски 3 на С. 230.

¹³⁰ Там же. С. 219.

¹³¹ Там же. С. 232.

¹³² О влиянии Э. Гуссерля на Ж. Деррида в данном аспекте Н. Автономова пишет: «Следуя в этом за Гуссерлем, Деррида стремится объяснить особую роль философии в познании противоречивостью ее приро-

Космополитические возможности философии для Ж. Деррида вырастают из изначальной открытости философии разному. «Под ее греческим именем в европейской памяти она (философия) всегда была „незаконно-рожденной“ (bâtard), гибридной, привитой, разнонаправленной, многоязычной; и нам необходимо приспособить нашу практику истории философии, практику истории и философии к той реальности, которая тоже была шансом, и теперь, больше чем когда бы то ни было, является шансом», — отмечает французский философ¹³³. И тем не менее, замечает Н. Автономова, Ж. Деррида полагал, что «философия не является ни космополитической, ни универсальной, однако различные формы движения в этом направлении — существуют»¹³⁴. Французский философ вел речь о «движении к всемирно-гражданской, или космополитической ситуации»¹³⁵ как о векторе, реальные же, конкретные шаги, по его мнению, остаются за каждым из нас, будучи нашим личным бременем ответственности.

При этом складывается впечатление, что Ж. Деррида, всякий раз пытаясь выявить, на что стоит опереться нашему современнику, тут же спешит сделать многочисленные уточнения, «добавить кавычки», ограничивая возможности своих утверждений, оставляя нас в растерянности. Похоже, он полагал, что таким образом осуще-

ды: с одной стороны, философия, как и любое другое социально-культурное образование, погружена внутрь исторической целостности культуры на том или ином ее синхронном срезе; с другой стороны, философия отличается от любого другого порождения культуры, и в том числе от науки, тем, что она является „установкой на высказывание гиперболического“ (vouloir-dire l'hyperbole), что она — граничащее с безумием напряжение рациональности, всеобщности». (Там же. С. 107.)

¹³³ Цит. по: Автономова Н.С. Указ. соч. С. 235.

¹³⁴ Там же. С. 234.

¹³⁵ Там же.

ствляет самую подходящую поддержку, ту, которая помогала ему самому, — честную, не иллюзорную, не обманную, реальную, на которую только и стоит рассчитывать. Для Ж. Деррида таковой было напряжение, порождаемое апориями, предполагающими неоднозначные ответы. Он неустанно искал это напряжение, веря в то, что именно оно укажет наиболее удачный для конкретной ситуации способ поведения, решение. «Опыт аперии, переживаемый по-разному, но в любом случае неизбежный»¹³⁶ — вот чем он жил и предлагал жить другим. Аперии порождены тем разным, что окружает нас и что Ж. Деррида считал важным замечать. «Можно, наверное, сказать, что у Деррида место аперийности оказывается подлинно универсальным местом для многих человеческих состояний и переживаний»¹³⁷, — пишет Н. Автономова, и эта фраза может рассматриваться как одна из метафор применительно к его творчеству и жизни. Он видит аперийное напряжение во всем, более того, там, где оно оказывалось не заметно, он стремится проявить его.

Делая акцент на разнообразном конкретном, Ж. Деррида смог втянуть в философию личностное — человеческий опыт. И это еще один вариант того, как он сплел частное со всеобщим. «Подобно тому как не существует ни деконструкции вообще, ни метафизики вообще, но имеются лишь отдельные конкретные случаи работы в той или иной области, точно так же нет и философии Деррида — ни вообще, ни в частности (ни *la philosophie*, ни *une philosophie*). А что же тогда собственно есть? Есть некий опыт. Деррида так и говорил: „не моя философия, а мой опыт“. Слово „опыт“ предполагает и путешествия, и испытания, и пересечения с жизнями других людей, и уни-

¹³⁶ Там же. С. 227.

¹³⁷ Там же. С. 228.

кальность собственных жизненных и мыслительных поступков»¹³⁸, — отмечает Н. Автономова. Противоречия, пустившие глубокие корни в языке, доносились до него, космополита, из разных уголков планеты, и он работал с ними как с противоречиями своими внутренними. «Упрямство мыслительного, душевного усилия», по мнению Н. Автономовой, — «самоощущение человека, воспринимającego акт мысли как жизненную задачу». И дополняет: «В этом мне видится коренное отличие постструктуралистской этики от условноэкзистенциалистской: главное здесь не отрыв от объективирующей мысли и сосредоточение на переживаниях, но взаимопронизанность мысли в жизни и жизни в мысли»¹³⁹.

Жизнь конкретного человека, жизнь в конкретных поступках, жизнь, согласованная с конкретными историческими событиями (распадом соцлагеря, формированием новой Европы, борьбой социальных меньшинств за свои права, отношением к наследию Маркса в конкретный момент истории и в конкретной стране), есть в некотором смысле повседневность философа по имени Жак Деррида, сплетенная с концептуальными философскими задачами. Неустанными малыми делами (поиском перевода того или иного слова в разных языках, выступлениями по всему миру, многочасовыми дискуссиями, поддержкой коллег из других стран), вполне обозримыми, во многом удававшимися, предстал он перед другими. Но одновременно вел кропотливую работу по прорисовке горизонта, как, например, предоставление права на философию каждому гражданину мира. Эта зона оставалась менее определенной и вместе с линией «апорийности» находилась под прицелом оппонентов. В первую

¹³⁸ Там же. С. 431.

¹³⁹ Там же. С. 353

очередь им и адресованы слова Н. Автономовой: «Если бы Деррида сказали, что тут он опять преувеличивает, он, наверное, ответил бы, что мораль и политика, которые не стремятся к невозможному и делают лишь возможное, тем самым выпадают за рамки этического и политического»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ Там же. С. 227.

Нюансы,
или
В поисках сложных решений

...фашизм — это не идея. Фашизм — это отношение к идеям, с которыми ты не согласен. <...> когда, в какой момент я решил, что сострадание следует выдавать по карточкам политической принадлежности?

В. Яковлев

1.

Одним из следствий наблюдаемой динамичности современной жизни стало возрастание в социуме числа групп и при этом особого типа. Данную тенденцию помогает описать предложенное Б. Грушиным концептуальное переосмысление термина «масса». Случайные, временные, внутренне неструктурированные, с открытыми границами массовидные социальные субъекты (для которых не являются определяющими свойствами ни их собственные размеры, ни социальный статус пребывающих в них)¹⁴¹ среди прочего поддерживают и усиливают в социуме *многообразие на уровне нюансов*. В этом контексте вопрос *меры и пропорции выраженности тех или иных характеристик* стано-

¹⁴¹ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.

вится значимым для групповой идентификации. Естественным образом, чем больше число социальных субъектов, тем больше зон и линий размежевания, а значит и поводов для межгрупповых отношений. При этом, казалось бы, «аморфный» характер социальных участников должен способствовать гибкому поведению. Тем не менее нередко мы являемся свидетелями достаточно напряженных отношений и жесткого противостояния как в виртуальных дискуссиях, так и в стычках на улицах и стадионах. Почему столь устойчивой оказывается «старая» социальная привычка на фоне очевидного для современной жизни сочетания динамики и многообразия, метафорически именуемого З. Бауманом «текучестью»¹⁴²?

2.

Очевидно, что межгрупповое (реализуемое в том числе, на межличностном уровне) противостояние нередко оказывается следствием внешней манипуляции. Но даже в подобных случаях нельзя не признать наличие своего рода социальных склонностей, которые запускают процесс взаимного неприятия, а внешнее режиссирование работает лишь как дополнительный, подстегивающий фактор.

К таким склонностям могут быть причислены слабая чувствительность к полутонам и нежелание разгадывать *мозаичный* пазл Другого. Таким образом, оперировать ограниченным количеством отчетливо выраженных характеристик проще. Поэтому так востребованы

¹⁴² Свою лекцию в Москве в 2011 г. З. Бауман подытожил словами: «...единственным постоянным аспектом, атрибутом нашей действительности является **непостоянность**, единственной уверенностью, которой мы обладаем наверняка, является **неуверенность**» (*Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года*. URL: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>). См. также: *Бауман З. Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008.

оказываются стереотипы, несмотря на неоднократно доказанную их односторонность, узость и неадекватность. Без усилия и тем более тренировки сознание выбирает легкий путь.

Между тем, видя Другого как набор, коллекцию нюансов, мы оказываемся не просто более объективны, мы обретаем дополнительные опоры. Воспринимая человека сквозь дихотомию друг–враг, мы можем вступить с ним в сотрудничество с вероятностью 50%. Используя же оптическую призму, чувствительную к полутонам, делая ставку на представляющемся позитивным, мы повышаем шанс найти направления для взаимодействия. Не по этому ли пути двигаются публичные деятели, ведя переговоры с террористами при освобождении заложников? От воинственно настроенного не дождаться понимания, если не сделать над собой усилие и не попытаться усмотреть в нем искры человечности. Аналогичную стратегию реализует руководитель, когда старается поддерживать контакт с разными группировками коллектива или сообщества. Лидер, делающий выбор в пользу какого-то одного лагеря, тем самым не только раскручивает маховик войны, но и сужает базу для собственной поддержки¹⁴³.

В том, как мы воспринимаем окружающих нас людей и сообщества, мы выступаем в роли «лидеров», «руководителей» в пространстве собственного восприятия. Мы можем «консолидировать» окружающий нас мир, делая ставку на представляющееся лучшим в каждом его уголке-закоулке, а можем делить на белый и черный, тем са-

¹⁴³ Число примеров можно продолжить. Так, учитель, фиксирующий сильные, яркие моменты в каждом ученике, работает на сплочение класса, а разделяющий ребят на любимчиков и изгоев раскалывает его, психологически травмирует учеников, которые нередко объединяются уже против него самого (как случилось с инспектором Мартином Пилецким — «пастырем душ» царскосельских лицеистов. См.: Тынянов Ю.Н. Пушкин. М.: Художественная литература, 1987. С. 315–318).

мым раскалывая его. Не лучше ли предпочесть выбор столь «мелкого социального сита», что в него не будет проваливаться практически никто?

Однако как при этом поступать с мнением, утверждающим: «Если не ты, то тебя»? Не стоит обманывать себя ни страхами, ни иллюзиями, куда более оправдано отдавать отчет в том, что всякое качество имеет меру выраженности. При этом акцент делать на представляющемся положительным, пусть и в разной степени присутствующем, проявленном. Это далеко не только позиция компромиссов, прагматизма или всечеловечности. Это вопрос конструктивности. Ибо в противном случае человек оказывается разьедаем неустанной борьбой.

Сторонников *противостояния* между тем можно повстречать в любом из лагерей: консервативном и либеральном, революционном и реформаторском. Нет среди нас неотягощенных жесткостью в подходе к Другому. Каждый периодически оказывается в положении, где собственное знание ограничено, и мы, то вынужденно, то непроизвольно, начинаем обращаться к полюсным характеристикам. Резкая критика, безапелляционная однозначность, негибкость легко воспроизводимы. Всякий без труда вспомнит о собственном нетерпимом поведении, о своей горячности при вынесении оценок другим. Мы демонстрируем подобное поведение и в бытовых, и в профессиональных делах, в личной жизни и в публичной сфере.

Что же помогает социальным субъектам настраивать инструмент меры? Кто в силах перевести противостояние на уровень, где обе стороны руководствовались бы вопросами меры? Думается, эту роль способен осуществить модератор, в лице которого каждая из сторон видела бы представителя своей позиции.

Позиция модератора (если речь идет не о попытке добиться сугубо личной выгоды, улучшив собственный образ в глазах общественности, например, в ходе публичного шоу, не о роли судьи, имеющего право выносить решения и приговоры в пользу одной из сторон, не о позиции Большого брата, обладающего исключительной властью принимать решения или претендующего на последнюю) по-своему очень сложная, в том числе психологически, нередко даже опасная и трагическая. Ведь это позиция на меже, на «линии фронта», между противостоящими лагерями. Задача модератора — способствовать двусторонней коммуникации. На самом деле в этой позиции оказываются многие, когда не удается найти легкое решение, сильные аргументы предлагаются каждой из конфликтующих сторон и при этом не хочется баррикад. Если реализовывать эту позицию честно, она не предполагает игру «и нашим, и вашим». За ней стоит иногда знание о сторонах, иногда лишь искреннее сочувствие и желание навести мосты, которые помогли бы всем участникам противостояния выразить себя и быть правильно понятыми. А иногда убеждение в том, что у каждого своя правда, описывающая один из аспектов реального положения дел, и лишь объединяя, складывая картины мира, есть шанс приблизиться к пониманию, адекватному отражению проблемы.

Притом что эта позиция знакома многим, на уровне действия она остается редко реализуемой до конца. Как правило, немногие решаются предпринять попытки развести противостоящие стороны. Отчасти потому что требуются определенные склонности: смелость, открытость, энергия действовать на два фронта. При этом фигура модератора не предполагает обладание неким правильным, хорошим решением. Скорее, это позиция, которая помогает искать эффективное решение в каждом конкретном

случае. Она не дает молниеносного ответа, но позволяет сделать первые шаги в таком направлении.

Модератор — внешняя позиция. Существенно, когда она становится для социального субъекта внутренней. Похоже, во многом тогда и складывается чувство меры, подразумевающее, что не бывает легких, однозначных решений. При этом проблема не закрывается; вопрос остается открытым для новых аргументов, подбрасываемых жизнью. Сомнения оберегают модератора от гордыни, поддерживают внутренний диалог.

Несмотря на то что мы нередко «втянуты» жизнью в эту роль, далеко не всегда наше исполнение бывает удачным. Хотелось бы обратить внимание на случаи выразительного ее воплощения. Сразу стоит уточнить, что модератором может выступать как конкретный субъект, так и *социальное пространство*.

З.

Япония, конец 1990-х. Прошли судебные процессы над лидерами религиозной секты «Аум Синрикё», устроившими заринтовую атаку в токийском метро 20 марта 1995 г., вынесены оценки в виде тюремных сроков, смертных приговоров. Будучи неудовлетворен публичной представленностью трагедии «в крайне усеченном виде», «словами, позаимствованными из формального языка», Харуки Мураками публикует книгу «Подземка» (1997) — полифоничный сборник интервью-свидетельств жертв атаки. «...Хотелось, насколько возможно, поставить себя на место тех, кто пострадал в тот день — 20 марта 1995 года. <...> Не просто знать, а ощутить реально, кожей, принять как скорбь, терзающую душу», — признается он, вспоминая о своем решении¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Мураками Х. Край обетованный. М.: Эксмо, 2018. С. 7, 8.

Время идет, напряжение не спадает — проблема не отпускает писателя, и он берет новую серию интервью, на этот раз у членов секты, порвавших или сохранивших с ней связь. Как и в случае первой подборки, расшифровав свои многочасовые записи, сделав некоторые уточнения и получив разрешение у интервьюируемых на публикацию, Х. Мураками представляет текст бесед для общественного прочтения сначала в журнале, а потом в книге, назвав ее «Край обетованный» (1998). В Предисловии к последней он пишет о событиях, связывающих оба сборника: «Чтобы исправить определенный информационный дисбаланс, я сосредоточился на сборе свидетельств пострадавших, но, когда эта работа была выполнена, меня начали обуревать сомнения, насколько точную информацию об „Аум Синрикё“ мы получаем.

В „Подземке“ секта „Аум Синрекё“ предстает как неопределенная угроза — некий „черный ящик“, — жестоко и внезапно вторгающаяся в повседневную жизнь. И я решил попытаться и приоткрыть этот „черный ящик“, посчитав, что, сопоставив его содержимое с перспективой, предложенной в „Подземке“, или, иными словами, проанализировав их разнородность и однородность, может быть, удастся достичь большей глубины в понимании того, что произошло»¹⁴⁵.

Проблема не давала успокоения писателю не только своим страшным итогом. Для Х. Мураками очевидно, что предпринявшие зариновую атаку в токийском метро — «совершили ужасные преступления против человечности»¹⁴⁶. Но трагедия не заслонила для писателя сложности произошедшего как результата длительного и очень неоднозначного процесса. Почему люди вступали в секту,

¹⁴⁵ Там же. С. 9.

¹⁴⁶ Там же.

порывая с самыми близкими, отдавая последнее, что у них было, и на пределе человеческих возможностей готовы проводить в ней годы? Почему после атаки в метро, прозвучавших приговоров, услышанных чудовищных признаний, состоявшегося общественного обсуждения и осуждения многие из числа бывших членов секты, выйдя из нее, не жалеют о продолжительном сроке пребывания в ней? Почему, несмотря на произошедшее, есть те, кто остается в ее рядах? Почему среди исполнителей атаки, руководства секты были люди из числа элиты японского общества, с высшим образованием, выпускники ведущих университетов? Время не стирает для писателя ни эти вопросы, ни тугой узел, их связывающий. Он не пытается вырваться из круга одолевающих его сомнений относительно события и связанных с ним социальных процессов. «...Самую большую угрозу для нашего общества представляет не „Аум Синрикё“, а явления, которые можно назвать клонами этой секты»¹⁴⁷, — отмечает Х. Мураками.

При этом писатель не скрывает, не ретуширует неосознаваемые его сомнения, собственное незнание религиозных тонкостей, преобладание в книге здравого смысла, напротив, подчеркивает, что беседа ведет «простой, не очень образованный писатель»¹⁴⁸. Похоже, подобные моменты он считает ограничениями, пределами того, на что смеет претендовать его книга, его позиция модератора. Даже свою роль при публикации интервью он минимизировал, предоставив читателю возможность общаться почти наедине с людьми, делящимися очень личными мыслями, чувствами, переживаниями. «Я предлагаю читателю то же, что стремился передать в „Подземке“, —

¹⁴⁷ Там же. С. 310.

¹⁴⁸ Там же. С. 13.

живой, „из плоти и крови“, материал, необходимый для того, чтобы представить не какую-то одну точку зрения, а взгляды сразу многих людей. <...> „коллективная история“, родившаяся из рассказов отдельных людей, очень правдива и достоверна. В ней есть то, что мы, писатели, остро переживаем изо дня в день. Вот что я имею в виду, считая, что это была работа для писателя», — признается Х. Мураками¹⁴⁹.

Не надо думать, что, демонстрируя проблему в ее сложности, модератор Х. Мураками консервирует ее, оставляя на стадии многочисленных частных осмыслений, не позволяющих продвигаться в ее решении. В текстах интервью отчетливо показано разграничение в общественном сознании фигуры руководителя секты и идеи, притягательной для многих. Не менее выразительно передано влияние двух разных факторов на вступление и пребывание в секте: индивидуальной склонности и общей притягательности учения для разных людей. Но наряду с аспектами, которые переведены в разряд понятных и в этом смысле ставших простыми, для модератора Х. Мураками остаются и те, которые он не торопится упростить, тем самым радикализовав их. Он представляет свои гипотезы очень ненавязчиво, но от этого не менее выразительно и убедительно. В этой осторожности просматривается не личный страх ошибиться, быть неподдержанным читателем. В ней чувствуется опасение не за себя, выдвигающего гипотезы-предположения, а за тех очень многих, кого касаются эти предположения — своих соотечественников. Складывается ощущение, что как модератор он считает себя ответственным и за читателей, которым предлагает свою трактовку событий, и за пострадавших в атаке и их близких, и за

¹⁴⁹ Там же. С. 13, 16.

косвенно причастных к осуществлению атаки. Не претендуя в одиночку на решение, тем более легкое решение, он очень аккуратно, но от этого не менее искренне и соучастливо предлагает возможные ключи к направлениям, где стоит искать ответы.

Первый ключ он формулирует следующим образом. «...у меня возникло ощущение, что „Аум“ как идея в большей или меньшей степени еще живет в их (бывших членов секты) душах как один из основополагающих принципов существования. Живет как идеал, имеющий конкретный образ, как память о свете, как оттиск изображения. И если однажды перед их глазами возникнет *нечто*, несущее в себе похожий свет (это *нечто* может быть связано с религией или не иметь к ней никакого отношения), они могут пойти за этим *нечто*, подчиняясь внутреннему зову, независимо от воли»¹⁵⁰.

Второй ключ представлен через историческую параллель. «Может, это сравнение покажется неожиданным, но „Аум Синрикё“ чем-то напоминает довоенную Маньчжурию. В 1932 году Япония создала там государство Маньчжоу-го. Тогда тоже молодые — продвинутые и энергичные технократы, технические специалисты, ученые — бросили насиженные места в Японии и отправились на материк, полный, как им казалось, новых возможностей. <...> Они считали, что не смогут найти эффективный выход своей энергии, пока живут в японском государстве с его насильственно-принудительной системой. Именно по этой причине они пустились на поиски новой обетованной земли, к которой легче приспособиться, где можно экспериментировать. В этом смысле — даже если иметь в виду одно это — их стремления были чисты. Они были идеалистами и вдобавок

¹⁵⁰ Там же. С. 310.

ставили перед собой „великую цель“ — с уверенностью, что идут верным путем.

Проблема заключалась в том, что всему этому недоставало чего-то очень важного. Сейчас нам понятно чего: верного, объемного понимания истории или, более конкретно, единства слова и дела. Красивые гармоничные лозунги типа „Гармония пяти рас“, „Восемь углов под одной крышей“ стали жить самостоятельной жизнью, а неизбежно возникающая на этом фоне нравственная пустота утонула в кровавой реальности. И амбициозные технократы исчезли в бурном водовороте истории»¹⁵¹.

Свою позицию Х. Мураками подытоживает следующим образом: «Реальность складывается из хаоса и противоречий, и если их удалить, то, что останется, уже не будет реальностью». И еще более точно словами своего героя в книге «Послемрак»: «Человеческая жизнь не так примитивна, чтобы делить ее на мрачные и светлые стороны. Между светом и мраком — миллионы теней и переходных оттенков! И разумный человек всю жизнь учится их различать. И на то, чтоб его разум при этом не затуплялся, тратит кучу сил и времени»¹⁵².

4.

Больше всего не хочется, чтобы «случай Мураками» был воспринят как пример труднореализуемый. Рядом с нами каждый день находятся люди, которые оказываются востребованными модераторами диалога. Так, среди профессиональных задач психолога — помогать поколениям «отцов» и «детей» слышать друг друга; историк той или иной области культуры также наводит мосты

¹⁵¹ Там же. С. 311–312.

¹⁵² *Мураками Х. Послемрак*. М.: Эксмо, 2019. С. 206.

между поколениями, потому что понимает, кому конкретный автор адресовал текст и как стоит помочь уже нынешним читателям воспринять произведение, созданное в иную эпоху. В этом смысле модераторы — достаточно многочисленная «социальная когорта переводчиков». Н. Автономова, в профессиональной деятельности которой перевод как практика и предмет анализа занимает существенное место, в монографии «Познание и перевод. Опыты философии языка» пишет: «Я полагаю, что перевод лежит в фундаменте любого человеческого действия: так всегда и было, только на это не обращали внимания. Деррида некогда сказал: везде письмо. Я говорю: везде перевод, хотя и не могу согласиться с тезисом о том, что оригиналов не существует. Просто в культуре никто, ничего, нигде и никогда не сказал в первый раз»¹⁵³. Эти слова выразительно передают демократизм *переводчика-модератора*, который трепетно относится к интересующим связям.

В наших буднях среди переводчиков по призванию хотелось бы отметить команду российского радио Бизнес FM. Располагаясь в прямом смысле на линии фронта разных мировоззрений, оперативно откликаясь на многочисленные социальные проблемы, эта радиостанция помогает людям говорить и слышать друг друга. Несмотря на подзаголовок «Первое деловое радио» (во многом стартовое идентификационное имя станции), думается, точнее было бы утверждать, что Бизнес FM работает в логике, которую описывает фрагмент названия одной из ее рубрик: «Радио в большой стране». Не отождествляя себя с какой-то социальной нишей, но и не занимая некое особое, надстоящее по отношению к слушателям,

¹⁵³ Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. С. 13.

место обозрения мира новостей, радиостанции удалось вырасти во всероссийское, общегражданское. Это стало возможно во многом благодаря открытости разным социальным слоям, регионам, политическим ориентациям, при сохранении верности профессионализму и журналистской этике. Не в последнюю очередь сам тип деятельности — речь свободная от внешней картинки, помогает членам команды радиостанции сфокусировать эфир в первую очередь на содержании проблем, быть не просто эхом социальных переживаний, а активным участником осмысления. Авторский стиль нашел воплощение в том числе в удачно выбранной тональности обсуждения сюжетов, рассматриваемых во всей их неоднозначности.

Б.

Выше отмечалось, что вопрос меры актуализирован утратой социальными полюсами прежде привычной устойчивости, четкости. Однако наивно полагать, будто рост числа динамичных образований с размытыми контурами полностью вытесняет «монументальные» социальные структуры и соответствующий им тип оценок. Конструктивность темы нюансов и меры не исключает того, что категоричность и однозначность будут оставаться востребованы.

Более того, если последовательно придерживаться вопроса меры, стоит признать, что один и тот же социальный субъект может демонстрировать разные стратегии поведения. Мы бываем бескомпромиссно радикальны в одних аспектах и, напротив, терпимы, сбалансированы, чутки к нюансам — в иных. Нередко между стратегиями происходит взаимовлияние. Причиной подобной вариативности является не только человеческая психология,

но и культура как пространство возникновения, а также встреч, взаимовлияния разного.

В качестве иллюстрации хотелось бы остановиться на недавно вышедшем сборнике «Своеволие философии»¹⁵⁴. Издание задумывалось среди прочего с целью очертить некоторые идентифицирующие контуры философской деятельности через анализ эссе как одного из заметных философских жанров. «Эссе есть поиск философом и мыслью друг друга. В эссе мысль опережает форму, а если в нем есть некая игра формы, то эта игра — от неопределенности и живости мысли, ее вечной незавершенности...»¹⁵⁵ — пишет Ольга Зубец, составитель и ответственный редактор сборника. Эссе в данном издании представлено в исторической перспективе через чарующее многообразие. Более того, само обсуждение темы реализовано на страницах сборника как авторами, так и вдохновителями издания, в многочисленном по вариациям эссеистском формате. Такое многоголосие согласуется с тем, что эссе отличает опора на авторский личный опыт, решимость, свободу выражения субъективного ракурса восприятия, переживания, осмысления действительности, что и описывает понятие «своеволие», вынесенное в заглавие. «В эссе конкретный индивидуальный жизненный опыт становится не предметом осмысления и не поводом для мысли (хотя и то и то может присутствовать), но выразителем того, что философия есть всегда мышление философа в его единственности, воспроизводящее и порождающее мир как *его* мир. С этой точки зрения — любой подлинно философский текст есть эссе. <...> Эссе — не автопортрет, но попытка быть самим

¹⁵⁴ Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

¹⁵⁵ Зубец О.П. О философском эссе и этой книге // Своеволие философии: собрание философских эссе. С. 19.

собой в мысли, это не познание самого себя, но бытие самим собой. „Я сам“ как содержание эссе есть не изображение меня, например, посредством множества цитат, но это я сам, присваивающий себе многообразные высказывания других, тасующий их по собственному усмотрению, подобно тому, как я тасую события собственной жизни и жизни других, подчиняя их ходу своей мысли и превращая весь мир в опыты»¹⁵⁶.

На фоне содержательного и структурного многоголосья, и в этом смысле «демократизма», издания эссе в качестве философской жизненной позиции и эссе в качестве жанра ее воплощения дает о себе знать процедура противопоставления. При этом в сборнике присутствует как минимум два их типа.

Так, для описания философского своеволия были «привлечены» те, кто отличаются, Другие, которым почти «отказано» в данном конкретном качестве, и кто, как следствие, ограничивает свободу, устанавливает преграды на ее пути, наступает на ее пространство. Признаюсь, создалось впечатление (и не впервые), что философский лагерь, время от времени оказываясь в положении жертвы, в свою очередь начинает искать жертву, причисляя к этому разряду достаточно многое и многих: здравый смысл, обыденное сознание, повседневность; толпу, обывателей, обыкновенных людей. К косвенным доказательствам распространенности такой стратегии может быть отнесено адресованное философии предложение проститься с ролью, «когда некто в высокомерной позе сообщает нам истину мироздания, доставшуюся ему от древних или открывшуюся во время одинокого блуждания по лесной тропе», и обрести «демократизм, которого так не хватает философии», поставить вопрос об «общности с теми, с кем

¹⁵⁶ Там же. С. 26–27.

мы радикально разобщены временем, историей, социальным опытом, а также с теми, кто, будучи рядом, продолжает оставаться для нас „чужаками“ <...> с самыми обыкновенными людьми»¹⁵⁷.

Замечание: «Непониманием, впрочем, страдают не только все, но и коллеги»¹⁵⁸, — указывает на иной тип противостояния — внутрифилософский, реализованный в сборнике не менее жестко. В этом случае философия предстает как исторически меняющаяся, неустанно ищущая, самокритичная. Читатель оказывается свидетелем того, что по-прежнему «защита» требуется и для Гегеля, и для Ницше, не утихают споры вокруг текстов Деррида.

Складывается ощущение, что нет шансов освободиться от процедур противопоставления и категоричных оценок. По всей видимости, для формирования конкретной «идентичности» всегда будет привлекаться механизм противостояния. И нынешние времена — не исключение. Противопоставление — это та форма определенности, которая необходима в том числе сегодняшней неопределенности для утверждения себя как реального факта. Например, Елена Петровская, обращая внимание на «неустойчивость как базовую характеристику социальной жизни в современных постиндустриальных странах»¹⁵⁹, прибегает к такому варианту противопоставления, как «оригинальные философы» и «просвещенные читатели», для которых не всегда очевидно, что практикуют первые¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Аронсон О.В. Елена Петровская. Портретное эссе // Своеволие философии: собрание философских эссе. С. 386.

¹⁵⁸ Свасьян К.А. Безутешность философии // Своеволие философии: собрание философских эссе. С. 408.

¹⁵⁹ Петровская Е.В. Своеволие знака // Своеволие философии: собрание философских эссе. С. 390.

¹⁶⁰ Там же. С. 388.

Тем временем попытки ослабить старые и новые формы противостояния ведутся. В названном сборнике предлагаются свои варианты. Представляется, что, будучи втянут чтением в пространство соприсутствия разного, непрекращающегося звона от скрещенных словесных шпаг «критиков» и «защитников», читатель данного издания обретает возможность не только и не столько выбрать для себя какой-то из полюсов, сколько солидаризироваться одновременно с несколькими из их числа, с аргументами, принадлежащими разным сторонам, а значит, в некоторой степени сгладить для себя самые радикальные заявления.

Именно организация пространства пребывания разных позиций и выступает в данном случае модератором. Смелость сборника заключается в том, что он не страшится предоставить позициям возможность эксплицировать себя выразительно ярко, порой резко, громко, при этом не сопротивляясь возможности быть рядом с Другими. Рядоположенные позиции позволяют читающему свободно пребывать между ними. Результатом оказывается не какая-то среднеарифметическая линия-взгляд, а менее категоричная позиция читателя, формирующая чувство меры, чувствительность к нюансам. В этом смысле, как и задумывалось, издание дарит читающему возможность для личного своеволия.

Б.

Принцип меры и роль модератора обретают значимое место в современной нам жизни не только, когда мы осознанно делаем выбор в их пользу и стараемся последовательно придерживаться такого решения. Существуют также объективные факторы, работающие на описанную социальную тенденцию за пределами наших це-

ленаправленных усилий. Время приводит с собой новые поколения, которые пытаются по-своему распорядиться «багажом противостояния» отцов, а еще ранее — дедов. Не будучи непосредственными участниками прежних битв, не испытав на себе боль утраты близких и разрушающее действие эмоций борьбы, представители «молодого взгляда» оказываются, как ни странно, *рациональнее, восприимчивее* к амбивалентной сложности социальной действительности. Они не отягощены тем прежним *опытом действия* и свободны для размышления, которое допускает разное. Наряду с «врожденными» модераторами, подобными историческому прототипу главного героя романа Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»¹⁶¹, наш современник предлагает свои варианты воплощения этой стратегии. То более или менее фантастические истории, как в романе Евгений Водолазкина «Авиатор», где в эпиграфе и ближе к концу повествования звучат слова: «Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк»¹⁶². То публицистические признания: «Я с детства знал, кто виноват. Это у меня семейное. У нас дома всегда было принято делить людей на своих и чужих. Свои были правы. Чужие — виноваты. А где-то в других домах чужими считали нас. Там, в тех домах,

¹⁶¹ «Подлинный Даниэль» — Освальд Руфайзен — подсказывает Л. Улицкой мысли, которые она бережно принимает и передает (через голоса своих героев или личные письма) разным поколениям читателей: «Наше сознание так устроено, что отрицает нерешимые задачи. Если задача есть, должно быть решение. Только математики знают про спасительную формулу — при заданных условиях задача решение не имеет. Но если нет решения, то хорошо бы хоть увидеть саму проблему, обойти ее сзади, с переду, с боков, с верху, с низу. Она вот такая. Решить невозможно. Вещей таких множество <...> Все вопросы для честных детей. Пока малы, задают вопросы, а когда вырастают, находят подходящий ответ в отрывном календаре или в катехизисе». (Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 261.)

¹⁶² Водолазкин Е.Г. Авиатор. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 7, 409.

тоже зарабатывали на жизнь и растили детей. Только для них правыми были они, а виноватыми мы. И поэтому, когда в нашей жизни случалась оттепель, в их жизни происходил застой. А когда у нас начинался застой, у них наступал подъем»¹⁶³.

Модераторы-современники хорошо знают историческую фактуру. Претензии к тем, с кем не согласны, не мешают им слышать разные мнения, включая самые тихие. Они делают выбор в пользу спокойной тональности. Не ретушируют трагическое, не предают его забвению. Ощущают себя ответственными не столько найти, указать виновных, сколько разобраться в механизме противостояния, порождающего в том числе жестокость. У сбалансированной тональности свои источники, питающие ее. В частности, трепетное отношение к жизни, презумпция ее культурной многоликости. А еще — допущение вероятности очень серьезных ошибок, применительно к которым никогда не закрыты пути для переосмысления. Бесспорно, речь идет не об оправдании зла, а о попытке понять его истоки, не об игре по правилам «ответного зла», а о поддержании жизни, самоценной и скоротечной.

И, похоже, это не только субъективное ощущение, но тенденция, подкрепляемая статистическими фактами. Социолог Григорий Юдин отмечает: «В последнее время в российской исторической памяти происходит целый ряд любопытных сдвигов. Если говорить о тенденциях, то главное — это усталость от исторических войн. За последние тридцать лет мы пережили несколько резких движений маятника — от полного отрицания советского прошлого до возведения его в культ. Они не дали никако-

¹⁶³ Яковлев В. Я с детства знал, кто виноват... // Фейсбук. 18.04.2019. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2093569447603110&id=100008502246543&substory_index=24

го успокоения — всегда есть вторая сторона, у которой своя убедительная правда. Поэтому люди устают от этого и все чаще склонны занимать примирительную позицию <...> Дарья Хлевнюк называет это „нейтральной историей“. <...> Любой опрос, который прижимает респондента к стенке („да или нет?“), обречен упустить эту тенденцию¹⁶⁴. Не без сложностей наметилось движение в сторону осмысления сложности мира и жизни. Надолго ли?

¹⁶⁴ Юдин Г.Б. Десять тезисов о любви к Сталину // Эхо Москвы. Блоги. 19.04.2019. URL: <https://echo.msk.ru/blog/grishayudin/2410897-echo/>

9 января 2017 г. из новостей узнаю о кончине Зигмунта Баумана.

В смещении мыслей и воспоминаний отчетливо звучит мотив о духовной близости британского социолога и Бориса Андреевича Грушина.

Они были лично знакомы. Встреча состоялась в Праге, по всей видимости. Имя друг друга произносили с теплотой. А больше не припомнить никаких достоверных фактов¹⁶⁵. (Как часто мы не решаемся или не можем обратиться расспросить, уточнить...) Но есть отчетливое ощущение значимости случившейся жизненной и мировоззренческой Встречи, которая в советское и постсоветское время была важна для обоих. Смысл такого взаимопонимания ценен и для последующих поколений.

Были два социолога во многом непохожи. Между тем нередко общность оказывается существенной именно

¹⁶⁵ Позднее М. Аникина и В. Хруль, ученики Б. Грушина, в пятом томе серии «Открывая Грушина» опубликуют «Алфавитный список имен из незавершенной автобиографической книги „Finita la commedia“, где в рубрике «Знаменитости мирового класса. Друзья по жизни, близкие люди, приятели» Борисом Андреевичем будет указан Зигмунт Бауман (наряду со следующими именами: Баршай Р.Б., Зиновьев А.А., Мамардашвили М.К., Неизвестный Э.И.). См.: Открывая Грушина. Том 5 / Ред.-сост. М.Е. Аникина, В.М. Хруль. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 516.

между людьми разными, но близкими в каких-то ключевых моментах. По темпераменту Борис Андреевич был горячий, громкий, шумный. Зигмунта отличал тихий голос, но внутренне он тоже был эмоционален. Оба свои мысли и чувства доверяли в первую очередь обожаемым женам, дочерям, затем трубке с табаком и слову, обращенному к миру. Согласно темпераменту, для Бориса Андреевича органичнее было слово трибунное, для Зигмунта, скорее, — письменное. При этом каждый был Мастером социологического дела-призвания, а потому почитаем учениками (среди которых были далеко не только студенты). Но учил один в большей мере методологии и практической социологии, второй — теоретико-концептуальной социологии.

Несмотря на разный социологический почерк, было нечто принципиально общее, объединявшее двух ярких исследователей, полемистов и наставников. Этим общим выступал критический взгляд на социальную действительность, без чего работающая (живая, недемагогичная) социология (как, наверное, любая область общественная) немислима.

Современные технологии изменили многое в образе жизни личности и сообщества. Внесли они существенные сдвиги и в критическую деятельность. Человек получил возможность приобщения ко многому, это, в свою очередь, подтолкнуло к оценочным высказываниям по самым разным поводам. Более того, наш современник владеет средствами трансляции собственной позиции и, соответственно, воздействия на широкую аудиторию. Перефразируя название книги Майкла Уолцера 1988 г., мы все имеем возможность ныне быть членами «компаний критиков», заниматься «социальной критикой».

Соответственно, являемся свидетелями того, как усугубляется проблема-противоречие, таящаяся внутри собст-

венно критической деятельности. Вот что о таком противоречии пишет во введении к книге «Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века» М. Уолцер: «Главный вопрос этой книги, который мне представляется главным вопросом современности, — это вопрос о взаимоотношениях специалистов и обычных людей, элиты и массы»¹⁶⁶. Замечу, книга М. Уолцера сама являет собой опыт критики. Автор жёсток в своем анализе внутренней противоречивости взглядов героев книги, разбирая провалы в их деятельности и тупики, которые заставляют усомниться в оправданности изначальных приоритетов и идеалов. Не идеализируя критическую деятельность, но искренне веря в ее значимость, автор вовлекает читателя в поиск того, что «может помочь нам очертить обязанности и пределы социальной критики»¹⁶⁷.

Представляющееся М. Уолцеру продуктивной критикой, думается, было свойственно деятельности и Бориса Андреевича, и Зигмунта. Жизнь их была наполнена борьбой с Системой, Властью. Они были независимыми личностями и стремились изменить общественную жизнь таким образом, чтобы разные и многие люди имели возможность обрести свободу. Оба исследователя были яркими, незаурядными профессионалами, которых отличал демократизм — уважение, внимание к рядовому человеку.

Что помогает в критической деятельности избежать противостояния специалистов и обычных людей, выстроить мост взаимоотношений между элитой и массой? Ответ М. Уолцера состоит в ставке на плюрализм, многообразие взглядов: «Существует масса интересных, провокационных, возможно, убедительных критических доводов, имеющих своим основанием различный соци-

¹⁶⁶ Уолцер М. Компания критиков: Социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: ДИК, Идея-Пресс, 1999. С. 22.

¹⁶⁷ Там же. С. 204.

альный опыт и перспективы *внутри* критикуемого общества. <...> Существуют разнообразные формы участия в жизни общества (но только один способ отстраниться), которые и делают работу критика столь разнообразной и богатой»¹⁶⁸. Итак, М. Уолцер исходит из того, что мнений-позиций много. От проявления их объективного многообразия нам никуда не деться. Последнее будет только возрастать, поддерживаемое современными информационными технологиями. Направление, которое предлагает в качестве продуктивного М. Уолцер, — не выбор всякий раз чего-то лучшего, правильного, истинного, а умение жить в многообразии, слышать его, понимать причины возникновения: «...критик обязан представить себе других людей, вглядывающихся в другие зеркала, даже если он не может видеть то, что видят они; он должен осознать бесконечную повторяемость той деятельности, которой занимается сам»¹⁶⁹.

Думается, демократизм Бориса Андреевича и Зигмунта аналогичной природы. Оба исследователя стремились нащупать то, что работает на плюральность социальной жизни и при этом не дает расколоть ее по статусно-ранжирующему основанию. Так в центре внимания Бориса Андреевича оказался феномен массы — специфический социальный субъект, который отличается динамичностью, ситуативностью, открытостью границ, и который нередко составляют представители самых разных социальных слоев. В свою очередь Зигмунт уделял большое внимание неопределенности как характеристике, пропитывающей социальную реальность и подрывающей устойчивость, однозначность общественных явлений. В первом случае социальному субъекту, во втором — социальной характеристике

¹⁶⁸ Там же. С. 12.

¹⁶⁹ Там же. С. 334.

придавалось особое внимание в качестве заметного фактора социального многообразия современного социума.

Что же в социальном пространстве «уравнивает» нас, многих и таких разных, в праве на критику? М. Уолцер полагает: «В основании своем <...> критика всегда имеет моральную направленность, неважно, нацелена ли она на индивида или на политические и социальные структуры»¹⁷⁰. А чуть ранее замечает: «Мир повседневности — это и есть мир морали, и будет лучше, если мы будем скорее исследовать его внутренние правила, императивы, соглашения и идеалы, нежели отстраняться от них в поисках универсальной и трансцендентной точки зрения»¹⁷¹. Повседневность для М. Уолцера — территория реалистичности, жизненности обсуждаемых, разрабатываемых критиком идей: «В интеллектуальных баталиях, как и в любой другой битве, в конечном счете можно выиграть только на земле»¹⁷². Знание интеллектуала дает ему специализированное средство труда, но не может заменить динамики и богатства социального опыта. Ориентиры критика расположены в пространстве жизни обычных людей, а не абстрактных идей. «...критик должен говорить <...> на обыденном языке и, какой бы ни была его собственная умудренность и ученость, он должен сохранять связь с традициями социального недовольства. <...> нам придется признать, что в XX веке социальной критикой занималось большое число <...> людей — часто очень образованных и философски одаренных. Они не выказывали должного уважения к мнению своих сограждан и слишком легко причисляли героическое одиночество и уединенную мудрость к добродетелям»¹⁷³.

¹⁷⁰ Там же. С. 30.

¹⁷¹ Там же. С. 15.

¹⁷² Там же. С. 276.

¹⁷³ Там же. С. 335–336.

Будучи специалистами высокого уровня, удивительно требовательные к себе и коллегам, зная цену знания, Борис Андреевич и Зигмунт обладали способностью слышать социальную реальность и умели слушать разные мнения. Они откликались на боль человека из любого социального круга, их вдохновляла, окрыляла поддержка и понимание, в том числе со стороны людей очень далеких от среды их собственного общения. Они могли хлопнуть дверью в коридорах власти, когда недооценивалось их экспертное мнение, но при этом они ощущали себя в ответе за других, неустанно пытались изменить жизнь к лучшему средствами профессионала. Для них было очевидно, что по мере развития знания разрыв между специалистом в конкретной области и окружающими увеличивается. Знание становится все более и более отточенным. Вместе с тем существует целый ряд моментов, которые касаются каждого, выступая проблемой, смыслом для представителей любых социальных страт. Война, смерть, предательство, любовь, понимание, счастье в неменьшей мере задают характер критического взгляда на общество, чем специализированное знание. Именно поэтому двум социологам представлялось очевидным, что критика не вправе быть высокомерной, не вправе претендовать на знание единичной неизменной истины, не вправе забывать о чувстве меры. Сомневаться, вопрошать, предлагать варианты, апеллировать к разному историческому и культурному опыту — было органично для их профессиональной деятельности.

Учебник «Мыслить социологически»¹⁷⁴ написан Зигмунтом не как сборник правил и нормативов, а как сборник эссе-размышлений, который втягивает читателя в поле раздумий, поисков, сомнений. Только на это впра-

¹⁷⁴ Бауман З. Мыслить социологически: Учеб. пособие / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1996.

ве претендовать интеллектуалы, по мнению Зигмунта — быть не «законодателями», а «интерпретаторами», не навязывать единственно верное решение, а предлагать разные, конкурирующие между собой интерпретации¹⁷⁵.

Советский анекдот, песни В. Высоцкого, тексты М. Жванецкого читались и рассматривались Борисом Андреевичем не только как материал, в котором можно апробировать «изготовленный» социологический инструментарий для анализа общественного мнения, а как документы, в которые имеет смысл неустанно вслушиваться, всматриваться, ибо они богаче уже известного исследователю, будучи связаны с жизнью искренностью, свободой самовыражения рядового гражданина страны.

Критики любят приводить поговорку «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Но критику нередко отторгают не за колющую правду, а за высокомерную манеру (увы, подчас интеллектуалы не свободны от этого), за отсутствующие чувства меры. Социальный критик, который не забывает, что «[к]ритика — это деятельность, общая для всех обществ, но в демократических обществах это еще и общедоступная (public) деятельность»¹⁷⁶, творит историю вместе, наряду со своими современниками.

«В идеале критик — это непокорный человек, отказывающийся платить дань уважения каким бы то ни было властям. Именно этот отказ и обеспечивает дистанцию критики, и больше ни от чего ради критики отказываться не нужно. <...> Он стоит в оппозиции к конкретным вещам, но он никогда не бывает в абсолютной оппозиции. <...> Он критикует режим, а не народ, или, иначе говоря, критику-

¹⁷⁵ В этом смысле его книга «Законодатели и интерпретаторы» — не только о смене модерна постмодерном, но также о вариантах стратегии интеллектуала. (См.: *Bauman Z. Legislators and Interpreters. On modernity, post-modernity and intellectuals. Oxford, 1987.*)

¹⁷⁶ Уолцер М. Указ. соч. С. 12.

ет народ в одной его части или в каком-то одном его аспекте, но не во всех», — пишет М. Уолцер¹⁷⁷. Такими критиками были Борис Андреевич Грушин и Зигмунт Бауман, не представлявшие свою жизнь без критического сомнения, которое дарует людям поддержку, а не рубит их.

¹⁷⁷ Там же. С. 339–341.

Информационный шум современного мира складывается не только из широко используемой возможности заявить собственное мнение, но и из значительной вариативности стилей, в которых представлены позиции конкретных социальных субъектов. Публичность стилевого многообразия — завоевание времени. Однако, присмотревшись к этой тенденции, можно заметить, что благодаря манере, «обрамляющей» содержание обращения, автор последнего может не только достичь своей цели, но и обрести эффект, противоположный предполагавшемуся. Любое мнение относительно. Относительным в квадрате его делают интонационно-стилистические особенности. Утрата чувствительности к манере собственного высказывания по результативности близка к утрате чувства меры, описанной А. Пушкиным в «Сказке о рыбаке и рыбке».

Социальная критика — одна из сфер, где напряжение между содержанием и стилевым воплощением мнения отчетливо дает о себе знать. Критика используется разными субъектами общества с целью изменить его, по мнению инициаторов, к лучшему, но осуществление этой

задачи во многом зависит от того, как говорится о предлагаемых трансформациях.

Сегодня вопрос стилистики презентуемого мнения касается не только публичных фигур, но и рядовых граждан, получивших широкий доступ к социальным микрфонам. Тональность отдельного высказывания перестает быть характеристикой исключительно личной склонности или конкретных межличностных отношений, легко аккумулируясь, она быстро распространяется по каналам общественных связей. Обращение к Другому легко превращается в обращение к миру. И в этом смысле стоит говорить о возрастании ответственности каждого за то, как формулируется мнение.

Белорусские события лета-осени 2020 г. — выразительный пример того, как разные стили критики присутствуют в одной политической культуре, каких усилий требует выбор между ними. Если противопоставление демократических ценностей тоталитарным формам правления в содержательном плане получило общемировое признание, то манера того, как об этом заявлять на улицах и в СМИ, в каждом конкретном случае остается национально специфичной. Белорусам удалось найти и продемонстрировать особый формат, который оказался очень продуктивным, особенно в противовес демагогично-лживому.

Человечеству не суждено существовать без более или менее серьезных проблем. Выбор в пользу интонации, настроенной на взаимное вслушивание и понимание, делает соответствующий процесс поиска решения более конструктивным. Эмоции могут толкать в одном направлении, а разум тем временем подскажет другое. В начале пандемии 2020 г. было большое искушение найти «виновника» появления и распространения коронавируса. Мир стоял на грани провала в бездну взаимобвинений, сегрегации целых государств и культур. Но врачи, далекие от политики, терпеливо повторяли, что вирусы были и будут, коро-

навирусы в том числе, что реально работающих в области медицины специалистов мало волнует «история» возникновения одного из них, когда в разных уголках мира дает о себе знать масштабная и во многом новая проблема; главная задача — разобраться в признаках конкретной болезни, способах ее лечения и попытаться выработать противоядие. Сдержанные интонации высказываний медиков обыграли эмоциональные призывы политиков. Мир, так часто расколотый по многим сюжетам, неожиданно продемонстрировал консолидированность усилий. Вопрос «Как говорить, обсуждать?», вопрос формы, не отменил, не устранил содержательных составляющих поиска решений, а выступил с ними в тесной связке.

Коль скоро социальная критика предполагает изменения, а в динамичной жизни нашего современника таких много, и скорость их лишь возрастает, вопрос тональности критической установки касается многих наших действий: от семейно-дружеских до профессиональных. Привлечение общественного внимания к этой проблеме делает оправданным поиск ключей к ней, в том числе в литературных текстах.

В данном случае хотелось бы остановиться на двух произведениях Тимура Кибирова. Речь пойдет о поэме «Сквозь прощальные слезы»¹⁷⁸ и романе «Генерал и его семья»¹⁷⁹. Стоит уточнить, что разговор об этих произведениях будет ограничен лишь аспектами, рассматриваемыми в данной статье¹⁸⁰. Разнесенные во времени (поэма

¹⁷⁸ Кибиров Т.Ю. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т.Ю. Сентименты /Восемь книг/. Белгород: РИСК, 1993. С. 125–155.

¹⁷⁹ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. М.: Индивидуум, 2020.

¹⁸⁰ Отдельные произведения Тимура Кибирова обсуждались мною ранее в контексте иных проблем. См.: Сыродеева А.А. «Практическая» историософия и дети // Сыродеева А.А. Возможности малого. М.: Вост. лит., 2012. С. 39–55; Сыродеева А. Мир малого. Опыт описания локальности. М.: ИФ РАН, 1998. С. 43–47.

датирована 1987 г., а с романом в полном объеме читатели смогли познакомиться в конце 2019 г.), эти тексты демонстрируют значимость для автора серии сюжетов, с которыми он продолжает работать, руководствуясь надежды выбранными принципами.

По собственному признанию Т. Кибирова, в поэме «Сквозь прощальные слезы» он стремился запечатлеть уходящую натуру — исчезновение с исторической сцены Советского Союза¹⁸¹. Об общественном значении этого текста Р. Лейбов, О. Лекманов и Е. Ступакова — авторы-составители увесистого тома комментариев — пишут так: «Поэма Тимура Кибирова представляется нам поэтическим высказыванием, максимально выразившим эмоциональный опыт поколений, которые в зрелом возрасте застали эпоху распада коммунистического проекта. В этом отношении в истории литературы она оказывается зеркальным двойником „Двенадцати“. Блок в 1918 году слушал музыку Революции. Кибиров семьдесят лет спустя вслушивался в скрежещущую какофонию распадающегося советского мира, переводя ее на язык русской поэзии конца века»¹⁸².

¹⁸¹ «У меня была твердая уверенность в том, что власть уже не та, что все кончается и советский мир, как Атлантида, погружается в бездну. Я хотел его сохранить», — скажет поэт в интервью. (*Шавловской К. Тимур Кибиров: «Ностальгия в государственных масштабах» // Сеанс. 2008. № 35/36. URL: <https://seance.ru/articles/timur-kibirov-nostalgiya-v-gosudarstvennyih-masshtabah/>*)

¹⁸² Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господы! Прости Советскому Союзу!»: Поэма Тимура Кибирова «Сквозь прощальные слезы»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. М.: ОГИ, 2020. С. 51.

О том, сколь значимой эта поэма стала в поэтико-общественном смысле, М. Гаспаров отмечает: «В русской поэзии он [трехстопный анапест] звучит то Блоком, то Некрасовым, а свести Блока и Некрасова в один строй не так-то легко. А Кибиров сумел это сделать. Он привел их к одному знаменателю, и к какому? К советской массовой песне. Советские песни таким размером, конечно, были, но их было не так уж много: это уже после Кибирова нам кажется, что их много. Кто внимателен, тот заметил: в этих строчках [поэмы „Сквозь прощальные слезы“] то и дело

Крушение общественного проекта, за которым стояла жизнь нескольких поколений, — масштабное критическое событие. Поэма Т. Кибирова — историческое полотно¹⁸³, задуманное отразить и осмыслить случившееся. Мазками ложатся фразы песен, стихов, лозунгов, крылатых выражений, а также отдельные слова-бирки, отсылающие к реалиям советского быта. Вербальные штрихи превращаются в картину эпохи: мы слышим ритмы песен, разговоров, дел, наполнявших жизнь советского человека в разные периоды существования СССР. Временной масштаб поэмы значителен, и приобщаемся мы к нему через ощущения, переживания, размышления поэта, попеременно достоверно обращающегося, ставящего себя на место людей, населявших просторы страны. «...Скрытый сюжет „...Прощальных слез“ вмещает всю историю Советского Союза, пропущенную через личную память, лирический голос разрастается грандиозным многоголосием „чужого слова“, — отмечает М. Свердлов в статье «Последний эпос», завершающей указанный том комментариев¹⁸⁴.

легкими перестановками к нашему ритму подгоняются и строчки из совсем других размеров. Всю эту тонкую работу в размахе многогранной поэмы молодой Кибиров сделал безукоризненно. Этот анапест уже почти независимо от содержания становится у него знаком советской культуры в целом — теперь, после Кибирова, он будет напоминать о сталинских парадах в каких угодно и в чьих угодно стихах. Создать такой мощный звуковой образ — поверьте мне как филологу, — это не шутка, это подвиг». (*Гаспаров М.Л.* Тимур Кибиров. Буклет Премии «Поэт» 2008 года. URL: <http://kibirov.poet-premium.ru/>)

¹⁸³ Обращая внимание на «лирический историзм» Т. Кибирова во вступительной статье к его сборнику «Стихи» (2009), А. Немзер отмечает: «...через его сочинений вполне может читаться как своего рода „славная хроника“, служить надежным, хотя и требующим особой оптики, источником по истории российской культуры (и/или общественной жизни) 1980-х — 2000-х годов». (*Немзер А.* Читателям Тимура Кибирова // *Кибиров Т.* Стихи. М.: Время, 2009. С. 7.)

¹⁸⁴ *Свердлов М.* Последний эпос // *Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е.* «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. С. 436.

Следуя за повествованием Т. Кибирова, мы оказываемся в разных точках советского мира: местах публичных и частных, общественно одобряемых и порицаемых, желанных и вполне рядовых. Обратимся к начальным строкам поэмы.

*Пахнет дело мое керосином,
Керосинкой, сторонкой родной,
Пахнет «Шипром», как бритый мужчина,
И как женщина — «Красной Москвой»*

*(Той, на крышечке с кисточкой), мылом,
Банным мылом да банным листом,
Общепитской подливкой, гарниром,
Пахнет булочкой там, за углом.*

*Чуешь, чуешь, чем пахнет? — Я чую,
Чую, Господи, нос не зажму —
«Беломором», Сучаном, Вилюем,
Домом отдыха в синем Крыму!*

*Пахнет вываркой, стиркою, синькой,
И на ВДНХ шашлыком,
И глотком пертуссина, и свинкой,
И трофейным австрийским ковром,*

*Свежеглаженным галстуком алым,
Звонким штандьром на пустыре,
И вокзалом, и актовым залом,
И сиренью у нас на дворе.*

*Чуешь, сволочь, чем пахнет? — Еще бы!
Мне ли, местному, нос воротить? —
Политурой, промасленной робой,
Русским духом, едрить-колотить!*

*Вкусным дымом пистонов, карбидом,
Горем луковым и огурцом,
Бигудями буфетчицы Лиды,
Русским духом, и страхом, и мхом¹⁸⁵.*

Отдельные поэтические элементы исторической картины, воспроизводящие идеологический словарь, фасад советской жизни, предстанут содержательно холостыми, внутренне полыми, а другие, напротив, откликнутся долгим, сердечным эхом. Контрастность между соседствующим через запятую, сквозь время остающимся дорогим и неприемлемым, близким и инородным — избранный поэтом критический метод. Автор дает понять, что критика сродни гражданской войне, ибо по ту сторону линии «дискуссионного» фронта — несмотря ни на что, тоже люди. Поэтому, подсказывает нам поэт, бороться стоит не с конкретным человеком, а с тем, что вынуждает его в определенных обстоятельствах вести себя неприемлемым, недостойным образом. Людей более или менее слабых и сильных, приятных и малосимпатичных поэт собирает своим поэтическим даром вместе, помогая искать спасение от страданий, внутренних переживаний, ошибок. Эмпатийный характер критики Т. Кибирова отчетливо звучит на протяжении всей поэмы. В Заключении этому мотиву-позиции придана молитвенная форма.

*Благослови же, Господи, Россию,
В особенности Милу и Шапиро,
Шапиро Мишу и Шапиро Иру!*

*Олежку, и Сережку, и так далее!
И Жанку, и Анжелку, и так далее!*

¹⁸⁵ Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Сантименты. С. 129.

*Сазонова сержанта, и так далее!
И Чуню, и Дениску, и так далее!
В особенности — Англию с Италией,*

*Америку и Юлю с Вероникою!
Спаси, Иисусе, Родину великую!
Спаси, Господь, неловкую Россию,
И Подлипчук, и Милу, и Шапиро,
И ветерана в стареньком мундире!¹⁸⁶.*

«Всю свою поэтическую власть, всю магию поэт обращает в эмпатию, в контакт с другим — как со своим», — отмечает М. Свердлов¹⁸⁷. Добавим лишь, что подобная «сочувствующая» критика укоренится в общенациональном масштабе, наверное, если будет взаимной, многосторонней.

Сопереживание как неотъемлемую составляющую критики Т. Кибиров дарит читателю, исходя из своей гражданской позиции. А как Художник он помогает нам подмечать в действительности неизбежную смешанность «красок». Усилие видеть сложную гамму мира (воплощенную и в цвете, и в звуке, и в смыслах, и даже в запахах) делает нас не только объективнее и справедливее, но спасает, поддерживает душевно и психологически. Камертоном звучит «Лирическая интермедия», размещенная между главами VI (о хрущевском периоде) и V (о брежневских и черненкоовских годах). Написанная с помощью инога (не столько советского, сколько общекультурного) словаря и ритма, интермедия передает позицию автора, звучащую и в главах об этапах «большого пути» страны.

¹⁸⁶ Там же. С. 155.

¹⁸⁷ Свердлов М. Последний эпос // Лейбов Р., Лекманов О., Ступакова Е. «Господь! Прости Советскому Союзу!»: Опыт чтения / с прилож. ст. М. Свердлова. С. 439.

Знаешь край? Не знаешь края,
Где уж знать тебе его!
Там, над кровлей завывая,
Бьются бесы — кто кого!

Там такого мозельвейна
Поднесут тебе, дружок,
Что скопытисься мгновенно
Со своих прыгучих ног.

Там и холодно и страшно!
Там прекрасно! Там беда!
Друг мой, брат мой, ночью ясной
Там горит моя звезда.

Знаешь край? Я сам не знаю,
Что за край такой чудной,
Но туда, туда, туда я
Должен следовать, родной.

Кто куда — а я в Россию,
Я на родину щегла.
Иней белый, ситец синий.
Моцарт, Моцарт! Мне пора.

Кто о чем, а я о бане,
О кровавой бане я...
До свиданья, до свиданья!
Моцарт! Не забудь меня!

Я иду во имя жизни
На земле и в небесах,
В нашей радостной Отчизне,
В наших радужных лучах!

*Ждет меня моя сторонка,
Край невыносимый мой!
Моцарт рассмеялся звонко:
«Что ж, и я не прочь с тобой!»*

*Моцарт, друг ты мой сердечный,
Таракан запечный мой!
Что ты гонишь, дух беспечный,
Сын гармонии святой!*

*Ну куда тебя такого?
Слишком глуп ты, слишком юн.
Что для русского здорово,
То для немца карачун!*

*Нет уж! Надо расставаться!
Полно, хери, майн хери, уймись!
Больше нечего бояться.
Будет смерть и будет жизнь.*

*Будет, будет звук тончайший
По-над бездною лететь,
И во мраке глубочайшем
Луч легчайший будет петь!¹⁸⁸*

Во вступительной статье к сборнику «Сантименты» (1993), включавшему и поэму «Сквозь прощальные слезы», С. Гандлевский подробно останавливается на критической позиции Т. Кибирова. Позволим себе привести несколько фрагментов этого анализа.

«...Именно „неприличная“ пьлкость делает Кибирова Кибировым. Так чего он кипятится? Он поэт воинствующий»

¹⁸⁸ Кибиров Т. Сквозь прощальные слезы // Кибиров Т. Сантименты. С. 147–148.

щий. Он мятежник наоборот, реакционер, который хочет защитить, заштопать „отсюда и до Аляски“. Образно говоря, буднично и прилично одетый поэт взывает к слушателям, поголовно облаченным в желтые кофты. <...>

...Сокол напрасно дразнил ужа и хвастал своей безграничной свободой. На настоящего художника есть управа, имя ей гармония, и родом она, вероятно, оттуда же, откуда и законы повседневного обывательского бытия. Просто не так заземлена и регламент не такой жесткий.

<...>

...Любовь, чувствительность, сентиментальность дают ему право на негодование. Ровно потому мы имеем дело с поэзией, а не с гневными восклицаниями в рифму... И любовь, и ненависть Кибирова обращены на один и тот же предмет. По-ученому это называется амбивалентностью. Но проще говоря, он, как все мы, грешные, больше всего на свете любит свою жизнь, а советский единственный быт занял всю нашу жизнь, и он омерзителен, но он слишком многое говорит сердцу каждого, чтобы можно было отделаться одним омерзением. <...>

Именно любовь делает неприязнь Кибирова такой наблюдательной. Негодование в чистом виде достаточно подслеповато»¹⁸⁹.

И автор в своих интервью, и комментаторы именно с поэмой «Сквозь прощальные слезы» соотносят роман «Генерал и его семья»¹⁹⁰. Что роднит эти произведения?

¹⁸⁹ Гандлевский С. Сочинения Тимура Кибирова // Кибиров Т. Сентименты. С. 5–10.

¹⁹⁰ «Роман Кибирова <...> входит в один смысловой (и эмоциональный, и интонационный) комплекс с его поэмой „Сквозь прощальные слезы“, — читаем у О. Балла-Гертман (Балла-Гертман О. Тимур Кибиров: «Генерал и его семья» // Современная литература. 20.07.2020. URL: <https://sovlit.ru/tpost/7pnoe2aedo-timur-kibirov-general-i-ego-semya>)

Поэма и роман принадлежат пространству глубокого и честного осмысления, ставшего почти роковым, круга вопросов, относящихся к истории Советского Союза. При этом автор выступает в роли документалиста, кропотливо работающего с текстовыми свидетельствами. Много и смело экспериментирует с литературным материалом, опираясь на свое увлечение историей культуры и мастерство создавать текст-посредник между реальностью, читателем и пишущим. Отчетливо звучит в этих произведениях искренняя позиция конкретного человека — Тимура Кибирова. Особо хотелось бы отметить такую объединяющую два произведения характеристику, как дар автора наделять текст гармоничным сочетанием разных эмоций при отчетливо звучащей вере в доброе, светлое начало.

За годы, разделяющие два произведения, многое произошло в общественной жизни, в индивидуальной судьбе. Жанр романа позволил Т. Кибирову более широким фронтом подойти к волнующим его вопросам советской истории, пристальнее взглянуть в них и, соответственно, более детально, объемно выразить свою позицию. Определенно стоит говорить о двух названных работах автора как о самоценно-ярких литературных произведениях: первое — спустя 30 лет приросло увесистым томом исторических и филологических комментариев, второму — была присуждена российская Национальная литературная премия «Большая книга» 2020 г. И при этом читатель оказывается свидетелем длящейся сквозь время последовательной позиции. В контексте проблематики нынешней статьи особую ценность представляет верность автора ранее избранной стратегии социальной критики, отличающейся способностью видеть в том, кому она адресована, такого же человека, как сам критик.

Обращаясь к советской действительности, Т. Кибиров (под влиянием личной биографии) избрал для романа один из «хорошо обстреливаемых рубежей» — жизнь генерала. Тот факт, что главный герой книги Василий Иванович Бочажок по воле пишущего несет службу в российской глубинке, облегчает автору процесс вопрошания применительно к стране с обширной периферией, а читателю помогает воспринимать центральную фигуру романа в качестве репрезентативного представителя советской ментальности (неслучайно имя и отчество ему подарены легко узнаваемые, в честь признанного любимца советского фольклора). Фокусировка на такого рода фигуре позволяет Т. Кибирову решать не только социологические и идеологические задачи, но также — экзистенциальные: ставить вопросы о том, где же проходят для человека самые частые, затяжные и трудные «бои» (а ведь и в критике таится немало воинствующего запала), какие «войны» заслуживают первоочередного обсуждения, где требуется неотложная гуманитарная поддержка.

Стоит подчеркнуть, что в историко-литературном проекте, задуманном Т. Кибировым и реализованном на страницах романа, много от «интерактивного» взаимодействия. С первых страниц автор вводит читателя в творческую мастерскую, посвящает в тайны своего ремесла и, в частности, показывает, как «лепит» своего героя¹⁹¹. Очевидным

¹⁹¹ В собственных интерактивных действиях Т. Кибиров руководствуется экспериментами, предпринимавшимися предшественниками по цеху. В одном его интервью читаем: «Набоков — не помню где — довольно строго говорит, что настоящий читатель должен отождествлять себя не с героями, а с автором. Требование справедливое, но чрезвычайно жесткое, потому что читатель — тем более молодой, увлеченный книгой — конечно, ассоциирует себя не со Львом Толстым, а с Наташей, или с князем Болконским, или с Пьером. И я решил вот таким простодушным незатейливым образом помочь читателю выполнить завет Набокова, чтобы он мог как бы вместе с автором писать этот роман». (Оборин Л. Тимур Кибиров: «Главное свойство советской власти — ложь от начала до конца» // Букмейт. 23.03.2020. URL: <https://journal.bookmate.com/kibirov/>)

образом Василий Иванович — трепетно созданный конструкт. Но разве не является конструктом и наше столь часто реализуемое критическое отношение к реальности? Мы имеем возможность наблюдать, как Т. Кибиров создает героя, опираясь на собственные жизненные промахи и удачи. А ведь и сами конструируем принципы, позицию, отношение к миру из фрагментов личного, семейного, известного нам опыта других. Можно предположить, что то, как Т. Кибиров не стесняется обсуждать свои литературные эксперименты, культурные пристрастия (от поэтических до музыкальных), мировоззренческие установки (на религию и национальный вопрос, любовь и жизнь), периодически вступая в диалог с героями, читателями и самим собой, тем самым дает нам понять, что не стоит ни страшиться сомнений, ни останавливаться в вопрошании, в том числе когда мы выбираем оружие критики или очки для критического восприятия мира¹⁹².

Вот некоторые из авторских «комментариев», вписанных в сюжет романа, связанных то с конкретным героем, то с построением повествования, то с мировоззренче-

¹⁹² Показателен в этом отношении предпринятый Т. Кибировым на страницах романа открытый для публики «разбор» своих ранних поэтических текстов. (См.: *Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман*. С. 114–165.) И то, что это, в свою очередь, не чисто литературный ход, а внутренняя позиция, позволяет понять еще одно признание: «Опыта советской казармы я не пожелаю никому. <...> Может быть, в единственном случае — именно в моем — это был очень полезный опыт. Печальный, трагический, но полезный. Он выбил из меня много дури и ни на чем не основанной гордыни.

В армии я понял, что все мои умения писать венки сонетов, знание наизусть всего Блока и половины Баратынского и попытки читать на языке оригинала Шекспира не делают меня лучше сослуживцев. Я такой же слабак, такой же трус.

Вся эта высокая культура никак не помогла мне вести себя достойно. Я поступал точно так же, как все эти несчастные парнишки из Сумской и Харьковской области, с которыми я служил. Спесь с меня была сбита, и надолго — надеюсь, навсегда». (*Оборин Л.* Тимур Кибиров: «Главное свойство советской власти...»)

скими приоритетами, имеющими отношение к критике как деятельности, в понимании Т. Кибирова.

«Оценка эта <...>, может быть, и верная, но хамство и жестокость никакой правотой оправданы быть не могут»¹⁹³.

«...Ахматова обходилась при этом без истерик, была сдержанна, строга и тайно насмешлива, внушала унаследованное от Пушкина (а по происхождению античное) чувство меры...»¹⁹⁴.

«Не помню, кто это сказал, но сказал правильно — невероятное и экстраординарное следует отдать на откуп журналистам, пусть они фиксируют курьезы и эксцессы; писателю же надлежит возиться с обыкновенным и типическим, растить стихи из всякого сора, видеть, как Блейк в переводе Маршака, в чашечке цветка небо, а в героине „Графа Нулина“ Лукрецию, подмечать ускользающие, летучие, как семена одуванчика, глупости и мелочи, запечатлевать и возводить в ранг символа всю эту обыденную и эфемерную херомантию...»¹⁹⁵.

«А еще меня в молодости поразило одно стихотворение <...> „В Переделкине дача стояла“ [Н. Заболоцкий]. <...> Так вот вы откуда родом, Василий Иванович! С этой душещипательной дачи. Хотя вы и не старичок вовсе и не холостяк, но, похоже, именно эту, некогда запавшую в душу мелодию я и пытаюсь высвистать немелкими своими губищами. <...> Поди попробуй такое сочини, замучаешься! Да еще так мастерски, чтобы <...> трагикомический провинциальный эстет был этой архаической сентиментальностью разбужен, как выстрелом, пленен и обезоружен»¹⁹⁶.

¹⁹³ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. С. 265.

¹⁹⁴ Там же. С. 120.

¹⁹⁵ Там же. С. 276–277.

¹⁹⁶ Там же. С. 559–561.

Принципиальным представляется тот факт, что автор любит своего главного героя («...и был Василий Иванович, как я предполагаю, под грубой советской оболочкой заколдованным рыцарем...»¹⁹⁷, «воин — благородный, отважный и верный»¹⁹⁸), наделяя его горячностью, перемешанной со смешливостью, глубоким, трогательным чувством к жене, отцовской самоотверженностью, порядочностью, а еще... выбором классической музыки в качестве жизненной опоры. И при этом нам явлен совсем не сахарный образ, например, в его отношении к сыну Степке было много «несправедливости и поспешных суждений», генерал «вообще пронизательностью и тонкостью не отличался»¹⁹⁹. Но для автора острые углы образа Василия Ивановича компенсировало то, что «иногда, в часы ночных сомнений и тягостных раздумий, чувствовал он себя виноватым, хотя сам не понимал в чем»²⁰⁰.

В сплаве чувств по отношению к генералу и его жизненной истории критика автора бьет по конкретным социальным мишеням: по порокам, структурам, идеям, но не по человеку. И пусть меньше внимания уделено другим героям, но ведет себя автор с ними схожим образом: придумывает-вспоминает жизненные ситуации для них, чтобы отдать должное добру (вместе с героями и читателями), посмеяться над поступками и поспорить о взглядах, отругать за доставленную другим боль и просто жи-

¹⁹⁷ Там же. С. 354.

¹⁹⁸ Там же. С. 601.

¹⁹⁹ Там же. С. 575.

²⁰⁰ Там же. С. 606. Подробнее об этом: «Смысл, вне всякого сомнения, имелся, и долг, как всегда, был свят и нерушим, и обязанности исполнялись неукоснительно, и все-таки и тем не менее подколотная тоска-кручина изводила Бочажка, и все чаще тень разочарования ложилась на его насупленное чело, и „парадоксель“ в его устах звучал уже не строгим выговором за нарушение гармонии и порядка и не призывом к немедленному устранению недостатков, а скорбной констатацией несовершенства и абсурдности жизни». (Там же. С. 569.)

тейские нелепости. Люди воспринимаются автором и согласно таким принципам находят воплощение на страницах романа в сложной переплетенности слабых и сильных сторон, в неустанной внутренней динамике. Никто не совершенен, напоминает нам Т. Кибиров. И при этом он верит в лучшее в каждом из своих героев. Текст наполняет читающего светлым чувством при всех трагических эпизодах, встроенных автором-документалистом в сюжет. Мы не только смеемся над конкретными шутками, увлеченно следуем за динамичным, полным курьезных неожиданностей повествованием, нас греет, поддерживает и вдохновляет его тон, настрой. И в этом смысле можно говорить о том, что критика Т. Кибирова сплетена с более глубоким чувством, тем, которым пронизаны, например, его «Двадцать сонетов к Саше Заповой»²⁰¹ и роман «Лада, или Радость»²⁰².

Избранная Т. Кибировым критическая тональность созвучна той, что отчетливо слышится Д. Быкову в жизненном и творческом пути Б. Пастернака и которая детально, аргументированно, с любовью и признательностью представлена в объемном исследовании «Борис Пастернак», вышедшем в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия»²⁰³. Близки исходные литературно-мировоззренческие позиции Б. Пастернака и Т. Кибирова. Так, описанная Д. Быковым пастернаковская «органическая, врожденная связь с миром»²⁰⁴, воплотившаяся в «цепочках созвучий <...> скрепляющих все со всем»²⁰⁵, переключается с кибировским воспомина-

²⁰¹ Кибиров Т. Двадцать сонетов к Саше Заповой // Кибиров Т. Парфразис. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. С. 63–72.

²⁰² Кибиров Т.Ю. Лада, или Радость: Хроника верной и счастливой любви. М.: Время, 2010.

²⁰³ Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007.

²⁰⁴ Там же. С. 454.

²⁰⁵ Там же. С. 453.

нием о том, как «впервые был пронзен осознанием символического соответствия всего всему и красотой сопряжения далековатых идей»²⁰⁶. Подобно тому как трепетно создавался Б. Пастернаком роман «Доктор Живаго», как много личного он вкладывал в образ центрального героя, значим для Т. Кибирова созданный им литературный генерал, вобравший в себя многочисленные социальные векторы²⁰⁷, сделавшие Т. Кибирова таким, какой он есть. Оба поэта помещают своего главного героя в исторический контекст, соотносимый с периодом их собственного становления. Отчетливы параллели в том, как воспринимается авторами социальная действительность в ее влиянии на индивидуальность. В этом смысле показательны такие штрихи в созданном Т. Кибировым портрете генерала: «...власть Советов была для Василия Ивановича и миллионов других мужчин и женщин чем-то само собой разумеющимся, непреложным и необсуждаемым <...>, как некий закон природы, сила земного притяжения. <...> Не об этом ли пророчествовал пастернаковский доктор: „Наставший порядок обступит нас с привычностью леса на горизонте или облаков над головой. Он окружит нас отовсюду. Не будет ничего другого“»²⁰⁸. Обоих авторов волновал вопрос, как выстраивать отношения с неизбежно берущей в кольцо реальностью. Д. Быков подчеркивает: «Отсутствие у Живаго черт „интересного человека“, гения — осознанный пастернаковский выбор. <...> Важно, что у обычного человека, ничем не выделяющегося из толпы, не наделенного никакими индульгенциями, — есть врожденное общечеловеческое право не разделять заблуждений эпохи <...> Живаго прежде всего

²⁰⁶ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. С. 564.

²⁰⁷ В сюжетную линию романа вплетено много документального материала, включая дневниковые записи отца Т. Кибирова.

²⁰⁸ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. С. 224.

человек...»²⁰⁹. И созвучно Т. Кибиров пишет о замысле показать человека, демонстрирующего «врожденные и неведомо как сбереженные качества — благородство, честность и мужество»²¹⁰, пусть такой идеал выглядит как смешной, «ретроградный и давно разоблаченный передовой нигилистической мыслью»²¹¹. Оба художника критически анализировали не только историю страны, но себя, рожденных временем, укорененных в эпохе, на которую пала молодость. Это суд, который не дает покоя, ибо цель его — не оправдать или засудить себя, кого-то вокруг, а понять, какое слово желанно для звучания на завтра, уже после того многого, что было пережито, прочувствовано и обдуманно. Не будем уточнять, утверждать, какие исторические периоды более вегетарианские, а какие менее. Создание литературных героев, воплощающих благодарность Творцу (решусь предположить, каждым автором по-своему понимаемому) за жизнь, — своего рода подсказка читателю, с каким настроением, в каком регистре стоит конструировать то, что задумано и что представляется плодотворным, способным изменить мир к лучшему.

²⁰⁹ Быков Д.Л. Борис Пастернак. С. 730–731.

²¹⁰ Кибиров Т. Генерал и его семья: исторический роман. С. 600–601. И об этом же ранее в романе: «Размышляя над ранним детством нашего героя и учитывая обстоятельства времени и места, мы приходим к неизбежному выводу: Вася должен был подохнуть от голода и грязи, в лучшем случае вырасти совершенным уродом. Каким чудом он выжил и стал образцовым, хотя и гонористым, офицером, мы не понимаем. Может быть, гены у Бочажков были настолько ядреными <...>, а может, ангел-хранитель, приставленный к сироте, оказался особо расторопным и бдительным». (Там же. С. 437.)

²¹¹ Там же. С. 601.

В ходе обсуждения вопроса, в какой мере высказывание, в том числе критическое высказывание, в плюралистичной социальной реальности способствует интеграционным процессам, выше были рассмотрены некоторые из стратегий обращения к Другому. При всей фрагментарности представленного анализа, с самого его начала ставилась цель постараться не терять из поля зрения *двойственную* роль автора-субъекта мнения в качестве участника и исследователя общественных процессов. Внимание к такой двойственности помогает быть в зоне сомнения, которое принципиально для познания. Вопросание применительно к собственному как внешнему, так и внутреннему действию, если не в момент его совершения, то по крайней мере вскоре вслед за тем, — необходимый страховочный канат, для того чтобы не утратить связь с реальностью.

Наряду с отмеченной двойственностью анализирующего, высказывающегося субъекта (неважно, выступает в этом качестве ученый или обыватель) есть еще один момент, имеющий отношение к процессу познания Другого и заслуживающий внимания при изучении соци-

альной действительности. Выше он был прописан скорее пунктирно. Его отличает не синхронный характер, как первый, и дает он о себе знать в широкой временной перспективе. Но учет его не менее важен, особенно в динамичной действительности, внутри которой пребывает наш современник. Речь идет о той или иной мере смены, а иногда и обмена ролями между социальными субъектами. Если мы по разным причинам не можем признать этот процесс как факт, то неумолимо бегущее Время, проводя новые и новые «возрастные черточки» (и тем самым делая нас другими), стоя за потоком исторических событий, отвечая за смену поколений, все равно будет подталкивать задуматься об этом. Предвидение неизбежной если не социальной инверсии, то смены социальных позиций — еще одна подсказка, высвечивающая пользу внимательного отношения к Другому, мотивирующая не только замечать, серьезно всматриваться в объективную социальную эклектику, но и пытаться поступать в ее пространстве по возможности разумным образом.

Summary

Modern information technologies, ensuring the democratic accessibility of public microphones, allow different social actors to declare own views and defend them rather actively. As a result, the eclecticism of the social fabric has become more vivid than ever before. The main theme of the book *Social Eclecticism* is the problem of social integration (its possibility and prospects) in the course of interaction between representatives of ordinary (commonplace) views and socio-humanitarian knowledge. In an intensively developing information reality, the participants of public debates again and again face difficulties in perceiving the views of the Other. The book examines everyday life as a social space for mutual understanding. Responsibility for the content and public forms of one's own opinion, including the cases of social criticism, is stressed. Three interconnected topics: cultural pluralism, everyday life and critical polemics — determine the structure of the edition.

In Part I the author refers to plurality as a general feature of culture, fruitful both for the social development and the individual free self-fulfillment. Based on Mikhail Gasparov's broad interpretation of culture, there is an attempt to show

the productivity of the concept of “eclecticism” in reference to social reality. It is argued, that in contrast to the role of information technologies, which are largely neutral in their impact on the diversity of the social environment, ideology tends to create uniformity and social void. Culture maintains alive while being reproduced by historical participants. For that reason, the social attitude that combines subjective openness with an effort to structure surrounding sociocultural diversity is regarded as meaningful.

The pluralistic world is in need of social interpretation based on common, simple, comprehensible, and along with that, deep, lasting through space and time meanings and values able to unite (“glue together”) eclectic social fabric. Such kind of potential is characteristic for everyday life discussed in Part II. Regarded as redundant the daily life reality turns into a subject of reflection in the cases of loss. Thus, our contemporary finds himself/herself in a somewhat privileged position, because the dynamism of today clearly shows how finite sociocultural features of routine life are. This knowledge helps both a layperson and a researcher to comprehend the structure and value of everyday life, its diversity and ambiguity.

Although people accept, as a rule, the “customs of everyday life” (Boris Pasternak) intuitively, the relationship with different social actors presuppose personal effort, certain degree of responsibility for one’s own opinion and its presentation. Part III of the book deals with the problem of polemics and social criticism, in particular the tone of personal statements, the role of the moderator, the importance of nuances for understanding the opponent. Despite the fact that unstable social actors, deprived of “pure”, unambiguous attributes, are dominant nowadays, our contemporaries often prefer be guided by criteria and assessments corresponding to the rigidly static structural organization of the society. It is

still a question whether such strategy could be abandoned in favor of a more flexible and balanced one. Obviously, social criticism is one of the factors which supports changes in today's dynamic world. The style of expression, the degree of willingness to see in the opposing side of the discussion the human beings such as the critic himself, is important for the effectiveness of critique.

The set of analyzed problems deserves attention of people both close and professionally distant from social philosophy. Practically oriented aspects in one way or another are inherent in philosophy since the Ancient times. While the joints between different humanitarian disciplines often perceived as marginal ones, they are in fact zones of active interaction of various agents of cognition. Hopefully, authors such as Mikhail Gasparov and Boris Grushin, Zygmunt Bauman and Jacques Derrida, Nataliya Avtonomova and Elena Oznobkina, Bernhard Waldenfels and Michael Walzer, Boris Pasternak and Timur Kibirov, Dmitry Bykov and Haruki Murakami, Konstantin Gadayev and Mikhail Kukin, whose texts presented in the book for discussion, will help to see more distinctly the real possibility and feasibility of social integration under the shadow of culture.

Научное издание

Сырودهева Ася Александровна

Социальная эклектика

Утверждено к печати

Ученым советом

Института философии РАН

Редактор ????????????????

Корректор *И.И. Чернышева*

Компьютерная верстка *О.В. Волкова*

Подписано к печати 21.07.2021
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. п.л. 7,6. Усл. кр.-отт. 8,0. Уч.-изд. л. 5,5
Тираж 500 экз. Зак. №

ФГУП «Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

Издательская фирма «Восточная литература»
ФГУП «Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(499)241-02-52, e-mail: vostlit@gmail.com
www.vostlit.ru

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6